

ТАЙНЫЕ В.Ф. АГЕНТЫ

Светозар Чернов

ОПЕРАЦИЯ
НАСЛЕДНИК
или

К МЕСТУ СЛУЖБЫ
В КАНДАЛАХ

Тайные агенты

Светозар Чернов

**Операция «Наследник», или
К месту службы в кандалах**

«Adventure Press»

2013

Чернов С.

Операция «Наследник», или К месту службы в кандалах /
С. Чернов — «Adventure Press», 2013 — (Тайные агенты)

ISBN 978-9-934-84771-4

1889 год. Петербург. Директор департамента полиции Дурново получает секретное распоряжение устранить главу Заграничной агентуры Рачковского. В свою очередь, Рачковский в Париже желает устранить главу Департамента полиции. Два года назад он провернул секретное дело в Лондоне и замел следы: тайные агенты Фаберовский и Владимиров отправлены в Сибирь. Каково же было удивление и ужас Рачковского, обнаружившего, что оба на свободе! Тем временем тайных агентов ожидает поездка в Египет – во имя спасения царствующей династии. Предыстория романа С. Чернова «Три короба правды, или Дочь уксусника».

ISBN 978-9-934-84771-4

© Чернов С., 2013
© Adventure Press, 2013

Содержание

От редакции	5
Телеграфный запрос директора Департамента полиции Дурново	6
Ответная телеграмма Фон Плато	7
Телеграмма Дурново – Фон Плато	8
Пролог	9
Глава 1	17
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	40
Глава 5	55
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Светозар Чернов

Операция «Наследник», или К месту службы в кандалах

От редакции

«Эту книгу можно читать с любого места», – сказали мы в прошлый раз, когда выпускали в свет – нет, не начало! Наоборот – конец серии историй о тайных агентах Владимирове и Фаберовском. И не наврали. Более того, настоятельно рекомендуем: начинайте читать с любого места. Почему? Это неизвестно. Просто мы знаем, что так удобнее. Если же вы, читатель, по природе своей устроены так, что вам непременно нужен строгий хронологический порядок, и вдобавок, чтобы все действующие лица были заранее вам представлены, если вы страдаете, ощущая, что чего-то не поняли – закройте скорее эту книгу и не портьте себе характер.

Как мы посмели начать историю с конца? Кто дал нам право публиковать незаконченную рукопись? Как у нас хватило нахальства так жестоко поступать с читателем? Но вот же мы и говорим вам: читайте с любого места. Не потому, что сюжет неважен. Как раз он важен в первую очередь. Но только ни за что вы в нем не разберетесь, если попытаетесь действовать по правилам. Нет здесь никаких правил и быть не может. Как нет начала и нет конца у серии «Тайные агенты». Совершенно безразлично, познакомились ли вы с этими господами с финальной книги «Три короба правды, или Дочь уксусника» или же делаете это только сейчас. Потребуется только немного терпения, чтобы все незнакомое, непонятое и черт знает, откуда взявшееся, стало ясно, понятно, знакомо, как свое.

Теперь, наконец, мы перестанем морочить голову тем, кто только еще знакомится с автором. Это незаконченная книга. Автор умер. Вернее, умерла половина автора, Степан Анатольевич Поберовский. Вторая же половина Светозара Чернова, Артемий Владимиров, уперлась: Светозара Чернова, в том его виде, в каком шла работа на кवादрологией, нет более на свете, а значит, книга дописана не будет. «Я могу дописать, – говорил Владимиров на просьбы и мольбы, – но тогда это будет другая книга». По зрелом размышлении подумалось: а ведь верно, это была бы другая книга – у нее был бы один голос вместо двух. Тогда как на самом деле...

Тем временем, мир тайных агентов уже существовал, и сами тайные агенты уже жили во плоти – не то интриганы – провокаторы, не то жертвы, с которыми так не хотел иметь дела директор Тайной полиции Петр Николаевич Дурново, «ибо сделать Владимиров и Фаберовский могут все, но лучше продать душу дьяволу, чем связываться с ними». Словом, история уже стала реальностью. То, чего в ней не было, додумывалось на ходу само. И даже более: оказалось, что пропущенные места придают сюжету динамики, интригуют, заставляют читателя погружаться в созданный автором мир и там действовать самостоятельно – одною силой своей фантазии. Тогда было решено: публиковать все, как есть. Начать с самого законченного. Самым законченным оказался последний роман серии – «Дочь уксусника». Теперь перед вами предпоследняя часть кवादрологии: «К месту службы в кандалах, или Операция „Наследник“». И эту книгу можно читать с любого места.

**Телеграфный запрос директора
Департамента полиции Дурново
полковнику Фон Плато**

1 октября 1889 г

Иркутск

Начальнику Жандармского Управления

Прошу сообщить мне местонахождение высланных 1888 году Якутск известных вам купеческого сына Артемия Владимирова и мещанина Степана Фаберовского.

Директор Дурново¹

¹ Петр Николаевич Дурново (1835–1918) – начальник заграничной агентуры Министерства внутренних дел, директор Департамента полиции.

Ответная телеграмма Фон Плато

– ДУРНОВО

Из Иркутска № 1817.

Директору Департамента полиции.

Упомянутые личности телеграмме Вашего Превосходительства отправлены Якутск
июле сего года, где находятся по сей день.

Полковник фон Плато.

Телеграмма Дурново – Фон Плато

5 октября 1889 года

Иркутск

Начальнику Жандармского Управления

Встречая надобность в личном объяснении с известными вашему превосходительству Артемием Владимировым и Степаном Фаберовским имею честь просить Вас, милостивый государь, пригласить их к себе и, снабдив деньгами на дорогу, предложить им немедленно выехать в Петербург. По прибытии в Петербург Владимиров и Фаберовский не должны никому сообщать о цели своего приезда и между 6–7 часами вечера явиться ко мне на квартиру по Владимирской площади и представить в удостоверение своих личностей письмо от Вас. Для приезда и жительства Владимиров и Фаберовский должны быть снабжены документами, по которым они проживают в Якутске и по коему они могли бы беспрепятственно жить в Петербурге, но отнюдь не проходным свидетельством. Сохраняя поездку Владимирова и Фаберовского в строгой тайне, я покорнейше прошу Ваше превосходительство о дне их выезда из Иркутска уведомить меня шифрованной телеграммой. Директор Дурново.

Пролог

Худой высокий человек в овчинном полушубке с уханьем колот дрова у крыльца дома, где помещалась якутская женская прогимназия. Несмотря на то, что на дворе царил февраль и морозы ничуть не желали слабеть, полушубок его был растянут, от пара, идущего изо рта, борода его обросла сосульками, малахай сбился на затылок, а стекла многожды чиненных очков в золотой оправе покрылись инеем. Утомившись, он бросил колун на утоптаный снег и оглядел высоченную поленницу, крепостной стеной окружавшую дом гимназии. Он вышел со двора на широкую улицу, снял с носа очки и потер рукавицей его и замерзшую от очков переносицу. По наезженной санями улице, вдоль желтой от навоза разбитой колеи, шел, постоянно спотыкаясь и переваливаясь с ноги на ногу словно пингвин, толстенький человек в тулупе.

– Степан! – крикнул толстяк худому. – Фаберовский! Бросай ты свою ерунду! Пошли домой ужинать.

Это был Артемий Иванович Владимиров, бывший агент Заграничной агентуры, сосланный сюда в Якутск вместе с Фаберовским административным порядком и снимавший теперь вместе с ним мезонин в одном из домов на Береговой улице. По разрешению и.о. якутского губернатора Осташкова им обоим в виде исключения было разрешено нарушить пункт 21 «Положения 1882 года о ссыльных и ссыльнопоселенцах» – им было дозволено занять места на государственной службе, места швейцаров при якутских гимназиях. С тех пор весь Якутск узнавал Артемия Ивановича по его головному убору – купленной на рынке у солдата фуражке, обшитой галунами из скрученной жгутом старой рыболовной сетки. При этом Артемий Иванович руководствовался не столько формальными установлениями, сколько полетом собственной фантазии, а гимназическое начальство, которое никогда прежде не видело у себя в Якутске сотрудников Заграничной агентуры, считало, что так и нужно, почему протестовать не решалось.

– Степан! – еще раз воззвал к Фаберовскому Артемий Иванович, подойдя вплотную и пытаясь оттянуть ото рта башлык, в который была закутана его голова. – Я уже хочу есть. Владимиров не умел разводить огонь в печи, поэтому любая задержка Фаберовского в гимназии плохо отражалась на состоянии его прожорливого брюха.

– Пошел ты до дупы, пан Артемий! – с легким польским акцентом беззлобно огрызнулся тот. – Не видишь, делом занят.

Артемий Иванович снял наконец башлык, оставшись в своей знаменитой фуражке, приосанился и начал нравоучительным голосом:

– Эх ты, господин Фаберовский! Ну чего ты тут зря надрываешься? Вот дали тебе место в женской прогимназии, а в ней всего-то четыре класса, потому ты сам и истопник тут, и дворник, и девки малые тебя иначе как Степкой не кличут. Говорил я тебе: иди ко мне в подчинение. Я вот швейцаром при мужской прогимназии состою, подо мною и истопник, и дворник, и учителей я вот где держу! – Владимиров сорвал меховую рукавицу и показал волосатый кулак. – И обращаются ко мне уважительно все: и учителя, и гимназисты с первого по шестой класс. «Здравствуйте, говорят, Артемий Иванович, наше почтеньице вам, господин Владимиров».

Фаберовский молча повернулся, подошел к поленнице и стал укладывать наколотые дрова.

– Нет, ты меня послушай, Степан! Ты вот тут ерундой занимаешься, а твой лучший и единственный друг скоро изгибнет от голода, – голос Артемия Ивановича задрожал. – Начальство тебе этого не простит!

Поляк выпрямился и обернулся к тараторившему Владимирову. Тот заметил в руке у поляка полено и умолк, но было поздно. Суровая и полная лишений жизнь в Сибири при-

учила поляка к лаконичному выражению своих мыслей, он без единого слова размахнулся и ударил Артемия Ивановича поленом по лбу. Тот охнул и сел в снег.

– Ну ты, Степан, даешь! – сказал он, ощупывая вскочившую шишку. – А если бы фуражки на голове не было, убил бы вовсе!

– Убьешь такого! – проворчал поляк, засовывая полено под навес.

Не обращая больше никакого внимания на Владимирову, Фаберовский вышел на улицу и пошел домой.

– Ну что ты молчишь, ну?! – забежал вперед Артемий Иванович.

– Не хочешь говорить, тогда одолжи три рубля. Человек я или нет! Полгода уже в этой глуши среди якутов сижу, мочи больше нет. Хочу напиться! Не ходить же к Матрене Васильевне на улусную квартиру к нигилистам!

– Незачем напиваться! – огрызнулся поляк. – Я же не напиваюсь.

На самом деле Фаберовскому хотелось напиться постоянно и еще сильнее, чем Владимирову, но он боялся дать себе волю. Сперва после ареста поляк надеялся на помощь со стороны генерала Селиверстова. По нерасторопности этого человека они были схвачены в Остенде людьми начальника Заграничной агентуры Петра Ивановича Рачковского. Но прошло полгода, их отправили в Москву, там посадили в вагоны железной дороги и с партией ссыльных под конвоем повезли в Нижний Новгород. Из Нижнего на барже по Волге и Каме их доставили до Перми, а оттуда до Тюмени снова по железной дороге. Но поляк все еще надеялся и подбадривал Артемия Ивановича, совсем павшего духом от трудной дороги. Однако когда из Тюмени на барже их привезли в Томск и оттуда пешим этапным порядком повели через Красноярск в Иркутск, надежда и вместе с ней мужество оставили поляка. Теперь уже Владимирову приходилось поддерживать своего товарища по несчастью. Замкнувшись в себе, Фаберовский жил в Якутске мрачно и нелюдно, не общаясь вне гимназии ни с кем, особенно с соплеменниками, сосланными после Варшавского восстания 1863 года, за что его в Якутске прозвали «коло-вратным» и «куркулеем». Зато жизнь Артемия Ивановича была ключом. Еще до того, как им с Фаберовским разрешили состоять на общественной службе и занять места швейцаров в якутских гимназиях, Владимиров загорелся идеей открыть мастерскую по производству настоек на стрихnine для политических, среди которых были распространены нервные заболевания. Он одолжил лопату у хозяйки дома, где они сняли квартиру, вскопал большой участок земли и засеял его доставшимися ему по случаю от какого-то аптекаря семенами чилибухи, гордо назвав свой огород «Мои озимые». Вскоре его посадки ушли под снег, и до весны Артемий Иванович смог с головой окунуться в деятельность совсем иного рода. Он занялся дрессировкой старой облезлой лайки, которую он полуживой подобрал на пустыре около оставшейся от древнего острога сторожевой деревянной башни и принес домой, заявив поляку, что выучит этого молодого щенка охранять дом. Умилившись Фаберовский собственноручно изготовил конуру, но конура не понадобилась, так как через день собака издохла от ужаса и удивления, после того как Артемий Иванович покусал ее, показывая, что она должна делать с непрошеными гостями. Его печаль длилась недолго, так как от собаки осталась совершенно новая конура. Конуру он внес в качестве вклада в культурное развитие якутского общества, предложив ее как суфлерскую будку советнику местного областного управления Меликову, который во главе верхушки здешнего чиновничества устраивал для публики любительские спектакли. Растроганный Меликов разрешил Владимирову исполнить роль суфлера. Фаберовский, притащив конуру к Меликову и расширив в нее вход, поинтересовался, нужно ли оставлять цепь. «Зачем?» – удивился Меликов. «Ну, как хотите,» – усмехнулся поляк. И только после поднятия занавеса Меликов понял эту усмешку. Артемий Иванович опоздал к началу и под хохот публики прополз во время спектакля на четвереньках к своей будке, где до самого антракта устраивался, кряхтя и громко матерясь. Такое грандиозное фиаско только сильнее подхлестнуло его самолюбие. Он понял, что актерский талант – не самая сильная сторона его богатой

многогранной личности и со страстью отдался делу, в котором у него уже был порядочный опыт. Целый месяц каждый вечер он усаживался за стол и при лучине марал один лист писчей бумаги за другим, пока на свет не явилась драма, потрясшая все якутское общество. Называлась эта драма «Му-му» и, как гласил подзаголовок на афише, была написана по рассказу Тургенева. Однако Артемий Иванович самого рассказа не читал, а только слышал о нем краем уха от одного из ссыльных. Поэтому в его переложении Герасим утопил здорового племенного быка, который в финальной сцене должен был громогласно мычать и для роли которого Артемий Иванович лично изготовил рога. Пьесу поставили, но она продержалась на сцене только до второго акта, когда по приказу присутствовавшего на премьере полицмейстера Сухачева была прекращена в связи с усмотрением в ней государственной крамолы и скрытых намеков на неверность императрицы государю императору. Несмотря на это, по свидетельству одного из присутствовавших на спектакле ссыльных, пьеса была отменно хороша и заменила ему две недели белой горячки. Благодарный за доставленное удовольствие, ссыльный подарил Артемию Ивановичу неслыханное в Якутске богатство – полный ящик засохших масляных красок. Такой царский подарок не мог не побудить Артемия Ивановича на новые подвиги. Первой его большой работой стал портрет государя императора. Владимиров писал его с себя, глядя в зеркало. Он работал самозабвенно, забыв про сон и еду, пока наконец не явил поляку раму с ликом Александра III, больше похожего на розовую жабу в мундире с застёжкой на левую сторону на бабий манер и с какими-то невиданными орденами. Вдохновленный успехом – Фаберовский едва не подавился сухарем, который он грыз в это время, – Артемий Иванович написал еще один портрет, специально для поляка – портрет оставшейся в Лондоне невесты Фаберовского. Но ее он тоже писал, глядя на себя в зеркало, поэтому следующая розовая жаба оказалась в его творчестве последней и была надета Фаберовским ему на голову.

– Дядька Степан! Дядька Степан! – навстречу им откуда-то сбоку выскочили стайкой несколько девочек и загомонили, перебивая друг друга: – Вас казак разыскивает, Калистрат Ананович! Говорит, что вы ему нужны очень!

– Этого еще не хватало, – проворчал Фаберовский и, поблагодарив детей, ускорил шаг.

Теперь Артемий Иванович едва поспевал за ним и уже не мог говорить на ходу, чтобы не отставать. Казак Калистрат Ананович служил в окружной полиции у полковника Сухачева и то, что он заинтересовался Фаберовским, не могло предвещать ничего хорошего. Недоумевая, зачем они могли понадобиться здешнему держиморде, Фаберовский с Владимировым прошли по узенькой дорожке, протоптанной к своему дому, подслеповато смотревшему на них бельмами заиндеветших окон. Они встретились с казаком у отхожего места рядом с их избой. Это было внушительное сооружение, похожее на крепостной острог, обнесенный тыном из могучих бревен. Внутренность острога представляла собой дыру в земле, окруженную благородного желтого цвета ледяными откосами в форме вулканического кратера и начисто лишенную каких-либо приспособлений для помощи в поддержании тела над нею в требуемом положении. Калистрат Ананович вышел из нужника и пояснил, поправляя на боку шашку:

– Намедни у скопцов груздиков с омулочками переел.

– Гриб да огурец в жопе не жилец, – понимающе поддакнул Владимиров.

– Так что его высокоблагородие господин полицмейстер желают видеть вас, господин Владимиров, и вас, господин Фаберовский, завтра утром у себя.

Поляк закашлялся, а Артемий Иванович подобострастно закивал:

– Придем, непременно придем. Ведь так, Степан, да? Казак удалился и Артемий Иванович выругался ему вслед. Он подождал, пока Фаберовский отойдет подальше, и проговорил:

– Вот, Степан, зря ты меня по голове поленом ударил. У меня примечено: стоит на моей голове вскочить шишке – и тут же у нас начинаются неприятности.

В мезонине, где они жили, было холодно и грязно. Немытая с осени посуда стояла рядом с печью высокой Вавилонской башней, в мусоре, сметенном в красном углу под порт-

ретом розовой жабы, деловито шуршали мыши. Послав Артемия Ивановича с ведрами за снегом, Фаберовский сел у печки, стянул рукавицы и озябшими руками взялся разводить огонь. Выдвинув вьюшку, он нащипал лучины, ожигом расковырял засыпанные в загнетке угли, стоймя поставил в устье лучины, поджег их концы углем, добавил несколько поленьев и огонь разгорелся, засверкав красными отблесками в очках поляка. Заслышав в сенях тяжелое топанье Владимирова, Фаберовский поспешил зажечь фитиль, плававший в плошке с рыбьим жиром на полочке у косяка двери. Однако это не помогло. Артемий Иванович, засмотревшись на то, как поляк подвешивает над плоской небольшой ситцевый абажур, запнулся о порог и ведра с грохотом покатались по полу, разбрасывая снег.

– Говорил же я тебе, Степан, – запричитал Артемий Иванович, сгребая веником снег обратно в ведра, – что начнутся у нас неприятности.

– То еще приятности, – флегматично сказал Фаберовский, бросив взгляд на розовую жабу в красном углу. – Вот завтра...

– А что завтра? Вдруг нас в Иркутск вызовут, а? – мечтательно проговорил Артемий Иванович, скидывая тулуп и ставя ведра со снегом на печь. – По части народного просвещения?

– Так, директорами гимназий, – хмыкнул поляк. – Чует мое сердце, отправит нас с тобою, пан Артемий, полковник Сухачев куда-нибудь до дальних улусов на казенные двенадцать рублей без дровяной торговли.

– Нет, на самом деле! Представляешь, уехать отсюда в Иркутск. Электрическое освещение, извозчики ездят по мостовым, люди в настоящий театр ходят. А еще лучше в Петербург! На должность в Департамент. А то и прямо к Государю! Фаберовский еще раз взглянул на жабу в бабском мундире:

– Как бы нас до другой стороны не отправили.

– Ха! Да в той стороне и гимназии-то ни одной нет.

– Медведям будешь преподавать латинский язык.

– Может, это по делу Рачковского, Селиверстов постарался? Расскажем ему все как есть, нам награду дадут.

– Как же, дождешься от дурака мешка с пряниками!

– А почему же и нет? – возразил Артемий Иванович.

– Из Якутска обратно за казенный счет без дела никого не возят!

– Да с чего ты взял, пан Артемий, что нас хотят куда-то отправить? Вздуют нас просто за перерасход дров по гимназиям.

– У меня никакого перерасходу, – возмутился Владимиров. – У меня гимназисты крепкие, им полезно для здоровья в холоде сидеть. Не то что твои барышни.

Артемий Иванович полез в печку и поворошил ожигом дрова, чтобы жарче горели. Он так старался, что из печки выскочил кусочек угля и упал на пол в передний угол.

– Гость будет, – заметил поляк. – Примета тутешшая.

Он оказался прав. Едва он соорудил в большой деревянной миске «кавардак», местное кушанье из пережаренных кусочков кожи, икры, желудков и брюшной части рыбы, и добавил в него змеиный корень, как в дверь ввалилась гурьба ребятишек и, громко топоча валенками, попросили, обращаясь к Артемию Ивановичу:

– Дядечка Артемий! Дядечка Артемий! Расскажите нам про страшное! Еще про Ваньку-Потрошильщика!

– Нам, детишки, и угостить-то вас нечем, сами гольный кипяток пьем, – приветил детей Артемий Иванович в надежде на то, что они уйдут.

Он бы и не прочь был рассказать про страшное, но поляк страсть как не любил его рассказы про Джека Потрошителя.

– А мы вам крендельков принесли! – хором отозвались дети, протягивая Владиминову кулечки со сладостями.

Артемий Иванович беспомощно оглянулся на поляка. Тот пожал плечами и завалился на свои полаты, укрывшись меховым полушубком и отвернувшись к стене. Оба обитателя мезонина пользовались у детей в Якутске особой любовью. Несмотря на запреты высокопоставленных родителей, к ним в дом приходили даже дети высших чиновников, чтобы получить от молчаливого поляка какую-нибудь деревянную безделушку, которые он резал длинными вечерами ножом из кедровых брусочков, или услышать очередную сказку или новую удивительную историю из уст Артемия Ивановича. И они всегда получали желаемое. Особенно старался Владимир. По первости в Якутске он всем без разбора принялся рассказывать про то, как он «в далекой Сибири» ловил рыбу подо льдом, и как злющие якутские медведи разбегались в разные стороны, едва он входил в лес, отчего прослыл в городе отчаянным лжецом и «вракуном». Все отказывались слушать его и тогда в детях он нашел себе благодарную аудиторию.

– Ну что ж, – грубоватым голосом произнес Артемий Иванович, забирая у детей кульки с крендельками и высыпая их на стол. – Про страшное хотите? Ну так слушайте.

Дети в трепетном ожидании расселись по лавкам и на полатах рядом с Фаберовским.

– Как я уже рассказывал вам раньше, коварный царев слуга Рачковский замыслил поссорить белого царя русского с королевой английской. И пославши он для того в стольный город Лондон злодея своего Иванушку-Потрошильщика, и зарезал тот на темных улицах в пять ночей пять девков красных – Машку Николаеву да Аннушку Чапманову, да Лизку Страйдову, да Катьку Эддоуз, а напоследок изгрыз, аки зверь, самую из них... Марию Красу длинную косу.

– У Мери Келли не было косы, – не поворачиваясь, подал голос поляк.

– Зато она мне клок волос на голове выдрала, – осадил Фаберовского Владимир. – А нас с дядькой Степаном послал Рачковский туда же, наказав крепко: вы Ивана охраняйте от стражи английской, потому как государево дело делает. Ну, мы и охраняли.

– А дальше?

Дальше Артемий Иванович битый час кормил детей небылицами, которые выдумывал прямо на ходу и которые имели слишком малое отношение к действительности, чтобы поляк стал к ним прислушиваться. Постепенно он задремал, и ему мнилось, что он в своем доме в Лондоне, перед камином в кресле-качалке, за окном плывет гороховый туман, а в кресле рядом сидит Пенелопа, его так и не состоявшаяся жена, и вышивает что-то на пяльцах. Под мерное «бу-бу-бу» Артемия Ивановича поляк едва не заснул вовсе, но затем дети с шумом стали собираться уходить, и он, выныривая из глубин сна, услышал, как один из мальчишек говорит:

– А мне отец говорил, будто в Якутск пришел варнак Федька Король.

Фаберовский слышал от старых политических несколько страшных историй о Федьке Короле, который среди прочих уголовных был настоящим «иваном», вором в законе, и слыл по всей округе за свой скандальный норов «айданщиком». – Незачем Федьку страшиться, – сказал Фаберовский, спуская ноги с полатей на пол. – Собраться всем вместе да и попортки ему отбить. А теперь, детки, валите отсюда, пану Артемию спать пора. Ему встать завтра рано.

– До повидания, – закивали на прощание дети, надевая малахаи и закутываясь в платки.

Назавтра Артемий Иванович и Фаберовский явились к избе полицейского управления самыми первыми. Здешние политические имели дурную привычку собираться толпами и таким образом ходить в присутственные места за разрешением на выезд в город застрявшего в улусе приятеля или за процензурированными исправником письмами из России. Так что если не успеть перед ними, можно было потерять много времени. В избе полицейского управления был скобленный пол, заплеванный скорлупой кедровых орехов, которые здесь лузгали как семечки. Пахло сургучом и клопами. Войдя в камору начальника, Артемий Иванович долго и истово крестился на икону в углу, а завершив церемониал, скептически осмотрел портрет

царя, явно кустарной работы, который полицмейстер заказал у одного политического, чтобы портрет казенного производства можно было унести себе домой.

– Заказывают кому ни попадя, – пробурчал он себе под нос. Полковник Сукачев усадил их на лавку и дал посмотреть предписание, прибывшее с последней почтой из Иркутска. В нем от имени генерал-губернатора Восточной Сибири предписывалось губернатору Якутской области Скрипицыну и якутскому полицмейстеру полковнику Сукачеву отправить в недельный срок лошадьми в сопровождении казака административно-ссылных Степана Фаберовского и Артемия Владимиров в распоряжение начальника Иркутского жандармского губернского управления полковника фон Плато.

– А за какой надобностью? – спросил Артемий Иванович. – Я вам тут не плоты сплавляю и не кайлом в шахте помахиваю: у меня серьезная педагогическая должность.

– На вашем месте, господин Владимиров, я бы не стал упрямиться, – заметил Сукачев. – Вас отправляют в Иркутск, а не в какой-нибудь дальний улус. Так что закупайте продукты и готовьтесь в дорогу. Через три дня мы будем отправлять обратно почту, с ней и поедете.

Удивленные и ничего не понимающие, Артемий Иванович и Фаберовский вышли на улицу. Сосланные в Якутск безо всякого суда, они не чаяли столь быстрого изменения в судьбе. Со временем, по прибытии в Якутск, боль отчаяния поутихла, жизнь устоялась и иногда казалась не столь уж плохой. И вот вновь в ее размеренный ритм вторгались непонятные и потому пугающие перемены. Зайдя домой за деньгами, они отправились в расположенный на самой набережной городской базар, чтобы прицениться и прикинуть, сколько же провизии потребуется им для поездки в Иркутск. Здесь каждый день в мелких лавках, крошечных балаганчиках и будочках якуты торговали местными произведениями и продуктами. У якутов можно было задешево купить сшитые черным конским волосом берестяные туеса, ведра, тавлинки и переметные ящики, торбаса из мягкой, как замша, оленьей кожи, меха песцов и лисиц, а также много железного и стального товара, особенно ножей, топоров и лемехов, которые были хотя и очень грубой отделки, но превосходного железа и твердой стали. Владимиров с поляком вошли через главные деревянные ворота во двор и, чтобы не давиться в узких проходах, сразу подошли к ближайшей мучной лавке. Якуты с широкоскулыми плоскими лицами толклись у прилавков, торгуясь и не желая ничего покупать. Между торговыми рядами чинно шествовали опухшие, с одутловатыми лицами скопцы. Приехавшие из дальних улусов политические покупали махорку и чай по 70 копеек за кирпич, подолгу стояли у гор кедровых орехов, которые были насыпаны на прилавках любого продуктового балаганчика на рынке. Фаберовский растолкал политических и протиснулся к лавочнику, а Артемий Иванович прошел дальше и остановился напротив мясника-якута, продававшего конину и оленьи туши. Владимиров знал, что торговаться с якутами по-русски бесполезно, но считал себя знатоком якутского языка и сказал мяснику, с почтением косившемуся на форменную фуражку Владимира: – Турды-бурды, остолоп. Мне нужна вон та оленья нога. По требованию Владимира якут, который почему-то считал Артемия Ивановича оскопленным черкесом и очень его боялся, отрубил топором замерзшую и твердую, как камень, оленью ногу, которую Артемий Иванович взвалил на плечо и гордо двинулся к поляку. Но тут путь ему перегородил еврей и велел принять в сторону.

– С какой это стати, – удивился Артемий Иванович, – я перед жидом в сторону отходить буду?

В ответ еврей молча показал пальцем себе за плечо. Артемий Иванович посмотрел туда, куда указывал замызганный палец с грязным ногтем, и увидел похожего на уголовника мужика в оленьей дохе, с презрением поглядывавшего кругом. Перед ним, словно рыба-лоцман рядом с акулой, двигался еще один еврейчик, суетливо расчищавший путь.

– Ничего, не царь, сам обойдет, – Артемий Иванович оттолкнул еврея в сторону и пошел навстречу мужику в дохе.

Все находившиеся на базаре замерли, глядя на Владимирова, который невозмутимо шел навстречу своей несомненной гибели.

– Отвали в сторону, козел, – повелительно махнул рукой мужик, увидев, что увещевания еврея на Артемия Ивановича не действовали.

– По-якутски говоришь? – спросил Владимиров.

– Чего?! – переспросил уголовник. – Вот научишься, тогда и указывать мне будешь.

– Заткни хайло онучей, скопец, – рявкнул на Владимирова уголовник.

– Это ты мне?! – опешил Артемий Иванович. – У тебя что, не все дома?

Проводя все время либо дома, либо в гимназии, он так и не удосужился познакомиться с миром воров и уголовников-каторжан, и не понимал, что ссориться с каторжными авторитетами-«иванами» не стоит. «Иван» тоже находился в некотором недоумении, ибо его смущала фуражка на голове Артемия Ивановича и непоколебимая самоуверенность, к которой он в здешних местах не привык.

– Зажмурь кадык, пока жив! – каторжник справился со смущением и решил взять инициативу на себя.

– Пан Артемий, иди сюда, пособи мешок на спину взвалить, я муки пшеничной купил! – крикнул от мучной лавки из-за спины каторжника Фаберовский. – Всего по два рубля семьдесят копеек.

– Да тут какой-то идиот навязался, – ответил Артемий Иванович.

– И чего этой курве нужно? – спросил поляк. Каторжник вздрогнул, как от удара плетью, и развернулся к поляку, сказав задрожавшим от ярости голосом:

– Считаю, все одно, что ты мертвый. За такие слова кровью своей умоешься!

Каторжник вынул из-за пазухи тяжелый якутский нож и тут же содрогнулся от удара мороженой оленьей ногой по затылку. Тело его обмякло и каторжник упал на утоптаный снег. Артемий Иванович переступил через «ивана» и под боязливый шепот еврейчиков помог Фаберовскому взвалить мешок с мукой. Но им было не суждено так быстро покинуть рынок. Очнувшийся от удара каторжник встал и, пошатываясь, пошел с выставленным вперед ножом на поляка. Артемий Иванович заметил его и, развернувшись, нанес упреждающий удар своей собственной ногой промеж ног каторжанина, а затем оленьей ногой ему же промеж глаз. Поляк тоже не остался в стороне. Он взмахнул мешком и обрушил его на голову «ивана». Гнилая мешковина лопнула и мука облаком взлетела в воздух. В мучной пыли поляк отнял у каторжанина нож, а Владимиров довершил дело, не переставая лупить уголовника всеми тремя ногами. Он не остановился и после того, как каторжник упал почти бездыханным. Без фуражки, весь покрытой мучной пылью, он бросился за отчаянно завизжавшими евреями, победоносно размахивая оленьей ногой. Одного из них он достал по спине, но второй, более юркий, успел ускользнуть в толчее торговых рядов, которые Артемий Иванович безжалостно крушил, опрокидывая на снег горшки, мороженую рыбу и плиточный чай. Когда на рынок по доносу одного из лавочников о том, что на рынке двое швейцаров устроили погром при помощи оленьей ноги, явились казаки, они нашли уголовного, погребенного под кучей муки. Поляк ползал вокруг него на коленях, сгребая с его дохи найденной фуражкой Артемия Ивановича муку и насыпая ее обратно в мешок. Казаки выудили «ивана» из-под муки, обыскали и вытащили из-под дохи несколько полотняных мешочков с золотым песком. Тем временем Артемий Иванович прекратил погром и, подойдя к поляку, взял у него перепачканную в муке фуражку. Водрузив ее себе на голову, он торжественно оперся локтем об оленью ногу, словно Геракл с Большого каскада в Петергофе, на сходство которого с Артемием Ивановичем неоднократно указывали барышни, с которыми он гулял в парке. Сходство довершало то, что во время подвигов меховая одежда Артемия Ивановича разорвалась и съехала со спины на пузо, представляя собой в нынешнем виде нечто среднее между римской тогой и набедренной повязкой. Вид Артемия Ивановича,

обсыпанного мукой и махоркой, был настолько жуток, что казаки, не зная, как поступить, оставили его и поляка в покое и, скрутив каторжнику руки веревкой, двинулись в участок.

– Я еще убегу, и тогда пощады не ждите! Из-под земли достану! – крикнул уголовник, оборачиваясь.

– Давай-давай, старайся! – ответил ему поляк.

– Что это за чучело? – поинтересовался Артемий Иванович у стоявшего рядом якута.

– Плохой человек, хайлак. Аргы² на Бодайбо носи, золото торговай.

– Это Федор Король, спиртонос, он здесь всем известен, – угодливо сообщил один из евреев, избежавший дубины Артемия Ивановича. – Его даже черкесы боятся. Человека убить ему что плюнуть. Со своего «ночлега» он отступное взял, а теперь шел на бодайбинские золотые промыслы пшеничку³ у приисковых торговать.

– Самого-то тебя как звать? – спросил Фаберовский. – Абрашка Червяк.

– Из контрабандистов будешь?

– Не, я деньги делал...

– Значит фальшивомонетчик. Ну вот что, Червяк, теперь мы тут с паном Артемием короли. Так что бери мешок с мукой, а твой приятель пусть возьмет оленью ногу, и несите все до нашего дому на Береговую.

² Аргы (якутск.) – водка.

³ Пшеничка (жарг.) – золотой песок.

Глава 1

Петербург

Суббота, 22 июня

Кондуктора, артельщики, извозчики, посыльные из отелей и меблированных комнат и просто встречающие московский поезд, до того оглашавшие своим гомоном наполненный угольным дымом утренний вокзальный воздух, вдруг затихли в напряженном ожидании. Появились крупные, представительные фигуры станционных жандармов в касках. Встречающие колыхнулись назад, прочь от края платформы, и закопченный паровоз, натужно пыхтя и предупредительно посвистывая, втащил вереницу вагонов под крышу Николаевского вокзала. Поезд лязгнул буферами и встал у дебаркадера. Из поезда повалили мужики ближних губерний, приехавшие в Петербург на заработки. Среди празднично одетых крестьян в новых смазных сапогах, за версту пахнувших дегтем, в новых рубахах, два бывших ссыльных выделялись своим непрезентабельным видом.

Погода в июне была настолько жаркой, что ночь, проведенная в поезде из Москвы в Петербург, измучила Владимирова и Фаберовского, у которых даже в Москве не было возможности купить подходящую одежду. Оба были в грязных мятых пиджаках, в серых от грязи рубашках с засаленными воротниками, в разбитых ботинках, уже много месяцев доживающих последние дни. Невыспавшиеся, окуренные за ночь в вагоне третьего класса скверным табаком, они вылезли на пропахшую углем платформу и долго стояли, не веря в то, что они, наконец, в Петербурге.

– Это, конечно, не Лондон, но все-таки цивилизация! – сказал Артемий Иванович, оглядываясь на сопровождавшего их жандарма, терпеливо стоявшего рядом. – Какая ни на есть, Степан, но свобода!

И тут же схлопотал рукояткой сабли по спине. Жандарм был, в общем, неплохим малым, и даже проиграл им за ночь десять рублей, не потребовав, пользуясь своей над ними властью, денег обратно, но разговоров о свободе он сносить не привык. Досталось заодно и поляку. Получив, таким образом, ясное представление о размерах своей свободы, Артемий Иванович с Фаберовским уныло поплелись направо, мимо багажного навеса, под которым толпилась партия арестантов, назначенных к отправке.

Жандарм вывел своих подопечных из вокзала на Лиговский канал и повел их по набережной прочь от шумной площади в сторону Кузнечного переулка. Летняя лень была разлита в раскаленном воздухе каменного города. Копыта лошадей поднимали душную, рыжую от навоза пыль, телеги гремели обитыми железом колесами по булыжной мостовой. Ломовые извозчики беззлобно бранились, пьяная баба, стоя в воде у берега, истошно кричала на своего ухажера, который не сумел удержать ее от падения с травянистого откоса канала прямо в грязную и смердящую жижу. Луцившая семечки на лавке у ворот кухарка от скуки принялась зубоскалить над космами и очками поляка. Ее поддержал дворник с гармошкой на коленях, растянул, не страшась жандарма, меха, и вслед ссыльным полетела лихая похабная песня о барине, который ночью сослепу не смог у девки мохнатку найти и теперь в постели надевает очки не на нос, а между ног. Пройдя от канала по Кузнечному переулку до Владимирской площади, жандарм пересек ее и ввел сопровождаемых в подъезд многоэтажного дома напротив собора, где сдал их дежурившему здесь щеголеватому жандармскому офицеру и, последний раз злобно покосившись на Артемия Ивановича, ушел. Офицер звонком вызвал сверху лакея, который провел обоих в приемную, где пахло модными духами и дорогими сигарами.

По сравнению с улицей, в приемной было прохладно и Фаберовский тут же уселся в кожаное кресло, развернув газету, купленную на площади у разносчика. Владимиров же, окаменев от волнения, уставился на герб над великолепными двустворчатыми дверями с бронзовыми ручками, изображавший по синему полю пронзенный турецким ятаганом ключ с каким-то легкомысленным крылышком и перекрещивающуюся с ним амурную стрелу. Артемию Ивановичу невыносимо хотелось пить, пот тек с него ручьями, а щетина неприятно скреблась о воротник, но оцепенение, охватившее его от одной мысли о том человеке, в дом которого их только что доставили, парализовало его.

Фаберовский не заметил его состояния, поскольку был поглощен чтением заметки о выставке в Манеже, посвященной Международному тюремному конгрессу в Петербурге. Ему показались нелепыми слова Владимирова о какой-то свободе, когда даже здесь, в столице, публика валом валит на тюремную выставку и готова заплатить целый рубль за то, чтобы взглянуть на макет той самой баржи, которая еще совсем недавно везла их в ссылку, или на живые картины, представляющие быт ссыльнокаторжных. Кроме России, в Манеже были представлены также иностранные державы. Прочитав об английской экспозиции, Фаберовский вспомнил мрачные здания Пентонвиллской каторжной тюрьмы, и тут его едва не хватил удар от пришедшей в голову мысли.

– А что, пан Артемий, – сказал он. – Не затем ли нас в Петербург привезли, чтобы выдать английскому правосудию? «В честь открытия Тюремного конгресса и в знак любви и дружбы, я, Александр III, российский самодержец, дарую Джеймсу Монро, комиссару полиции в столице нашей любезной сестры, королевы Виктории, сервиз нашего фарфорового завода с супницей в виде арестантской баржи и двух негодяев, ответственных за преступления убийцы, известного лондонской публике под именем Джека Потрошителя».

– Что, там так и написано? – вышел из оцепенения Артемий Иванович и снова впал в ступор, но уже от сказанного поляком.

– Нет, насчет сервиза я пошутил, – мрачно сказал Фаберовский.

Но тут дежурный офицер пригласил Артемия Ивановича и тот исчез за дверями кабинета, которые так долго перед этим гипнотизировал взглядом. В кабинете стоял огромный письменный стол, заваленный бумагами, за которым сидел в халате человек и ел варенье из вазочки. Вокруг варенья вилась стая мух. Бывший прямо в окна солнечный свет пробивался сквозь тюлевые гардины и рисовал на паркете солнечные квадраты, в один из которых Артемий Иванович поместил свои стоптанные ботинки.

– Здравия желаю, ваше превосходительство, – выдал он, вцепившись в дверную ручку, чтобы не упасть, ибо ноги его от волнения отнялись. Впервые в жизни он переступал порог домашнего кабинета директора Департамента полиции! Порог кабинета самого Дурново!

Человек за столом поднял голову и небрежно бросил лакею:

– Парамон, скажите дежурному офицеру, чтоб немедленно послал за генералом Селиверстовым. А вам, любезный, должен сказать, что до сих пор я был доволен действиями вашего начальника, господина Рачковского⁴, в Париже. Однако личная заинтересованность в его отставке некоторых лиц заставляет меня выслушать вас. Кстати, какого черта вы не пришли сами, как я распорядился, а вас привел ко мне жандарм? Письмо от начальника Иркутского жандармского управления полковника фон Плато при вас?

Артемий Иванович пялился на начальство, не понимая ни слова из его мудреной речи. Дурново поймал в кулак большую зеленую муху и стал медленно, один за другим разжимать пальцы, чтобы убедиться, что надоедливое насекомое схвачено. Когда распрямился пухлый средний палец с золотым перстнем, муха вылетела из директорского кулака и с сердитым жужжанием заметалась по кабинету.

⁴ Петр Иванович Рачковский – заведующий Иностранной агентурой Департамента полиции.

– Эх, улетела, – с сожалением сказал Дурново.

И тогда Артемий Иванович диким уссурийским тигром бросился на муху, в три прыжка настиг ее, с хрустом размял в кулаке и подобострастно положил перед директором департамента на синюю кожу стола:

– Вот-с, мы ее изловимши.

– У меня их обычно шпиц моей жены ловит, – сказал Дурново, брезгливо смахнув муху на пол. – Но вчера он обожрался и сегодня не может встать с пуфика. Письмо при вас?

– Да.

– Ну так давайте же его сюда. А теперь извольте мне объяснить, что вы делали полгода в Лондоне?

Артемий Иванович облизнул пересохшие от волнения губы и произнес:

– Я был послан Рачковским в Лондон для борьбы с укрывающимися от меча правосудия революционерами. Вместо того он неожиданно навязал мне в попутчики двух ирландских бомбистов, которым, как я точно слышал, он обещал дать двадцать тонн динамита для подрыва основ английских устоев британских начал. А кроме того, он навязал мне в Лондон украденного им из французского сумасшедшего дома психа, известного в Париже убийцу, Васильева, которого он содержал в Лондоне за казенный счет, указывая вашему превосходительству в отчете расходы на устройство швейцарской агентуры. Как только мы покинули землю Франции, на корабль, где я плыл, был подослан жид-социалист, имевший целью убить меня. Посредством хитрого обмана зрения, манипулируя своим огромным носом, он принудил меня к соприкосновению с железной шлюпбалкой, отчего голова моя наполнилась противоестественными видениями полногрудых и обоюдоногохвостых существ, само существование которых немыслимо и противоречит христианской науке, извечным началам православия, самодержавия, санитарии, народности и гигиены. Ведь известно, что столь долгое время находиться в воде существо не может, ибо сие порождает гниение членов, отчего я, к примеру, долго в воде не нахожусь... Даже оказавшись в Гайд-парке в Серпентайне, я был тут же извлечен из воды-с.

– Ничего не понимаю, – поморщил нос директор департамента. – Вы тоже из сумасшедшего дома?

– Нет, я из Якутска, – оробел Артемий Иванович.

– Вы якут?

– Так точно! – Владимирова больше не решался перечить начальству. – Прикажете еще мушку изловить?

– Оставьте, – резким движением Дурново схватил муху, вившуюся у него над головой, и продемонстрировал Артемию Ивановичу. – Я еще и сам хоть куда.

– У вас настоящий талант-с, ваше превосходительство, – польстил директору департамента Владимирова. – Истинно, гений в своем деле. У нас в Лондоне у поляка знакомец был, инспектор Пинхорн, он все мухами инициалы разных царствующих особ выкладывал, но ему до вас далеко. Я вот и сам мастер мух ловить. Вы знаете, самое главное в нашем ремесле – быстрота и ловкость рук. Вот, к примеру...

– Обождите, мы же беседовали с вами о Лондоне, – остановил его директор.

– Лондон, ваше превосходительство, город большой и шумный. Ежели случится вашему превосходительству быть в Лондоне, осмелюсь рекомендовать одно место, где можно купить наших настоящих соленых селедок-с. Там же и огурчики соленные продаются! Должен сказать, ваше превосходительство, что к ихнему джину огурчики не очень подходят, а вот к виски в самый раз будут. Эта ихняя виски такая гадость, что без огурцов и не выкушаешь – в глотку не полезет.

– Огурцы – очень хорошая вещь, – Дурново поддался мечтательному тону Артемия Ивановича и даже не очень разозлился, что тот опять отвлекся от темы. – Парамоша!

Принеси-ка с ледничка графинчик, да огурчиков к нему подай.

Фаберовский, который уже извелся от неизвестности, изумился, когда лакей проследовал через приемную в кабинет с запотевшим графином на подносе.

– Ну-с, продолжайте, – Дурново, опрокинув рюмку, удовлетворенно откинулся в кресло, хрустя огурцом. – Что же вы еще развели в Лондоне, кроме мест, где продаются огурцы? Дороговато вышло казне.

Артемий Иванович сглотнул слюну так, что колокола на Владимирском соборе напротив звякнули.

– Еще я получил три шишки на службе отечеству, – сообщил он, не в силах отвести взгляд от графина. – В общем, служил помощью в поддержании устоев-с. Да еще пять баб зарезали.

– Ага, – удовлетворенно проговорил Дурново. – Генерал Селиверстов что-то такое и говорил. Ну что же, на последнем остановитесь подробнее.

– Так что тут сказать, ваше превосходительство. Коновалов их резал в свое удовольствие, а мы только указания Рачковского исполняли-с. Да и то нас едва не схватили, а все из-за этих ирландцев; сперва тюк с кровавым бельем едва увезли, а потом из-за грязных кальсон вообще в полицейский участок попал, да еще нож подкинул, и при Монро такого наговорил, а когда мы второго в Гайд-парке били, потому что он статейку пасквильную написал, едва не убежал вовсе, насилу его догнали. Монро к нам заходил иногда, мы даже раз с ним дебош в ресторане устроили, а я комиссара полиции в парке видел, как он под кустами сидел, только собаки его так и не покусали, а Дарья смесь-то когда противособачью понюхала, так и вовсе едва не очурилась, даром что не собака. Мы ею потом одному полицейскому хребет переломили.

– Смесью?

– Да нет, Дарьей! Вот это бабища была! Она еще когда в фонтане в Петергофе намокла, так я потом на ей почти не женился.

– Опять началась какая-то чушь, – с досадой сказал Дурново. – Вы просто какой-то идиот, в самом деле. Может быть, этот второй, что в коридоре, окажется потолковее вас. Выйдите из кабинета и позовите его. Парамон, налей мне еще.

– Велите за этим поляком приглядывать, ваше превосходительство, он у меня в Лондоне часы укравши! – засуетился Артемий Иванович.

– Идите, идите, – замахал на него руками Дурново.

Фаберовский вошел, складывая газету и засовывая ее за пазуху, и почтительно уселся на указанный ему стул.

– Послушайте, я не понял ничего, что наговорил мне ваш подельщик, – сказал Дурново.

– Особным даром разуместь то, что говорит или пишет Владимиров, обладает только пан Рачковский, – согласился Фаберовский.

– Хотя вы можете объяснить мне, что произошло в Лондоне?

– А кто есть вы?

– Да я же директор Департамента полиции! – обиделся Дурново.

– Нас отправят до Лондону?

– Ой, только не надо опять про Лондон и про огурцы! – замахал руками директор департамента.

– Как пану будет угодно. Рачковский обманом вовлек нас в злодейские убийства и в месте, о котором ваше превосходительство просил не говорить, посланный им человек при нашем невольном пособничестве совершил преступления, приписанные некоему Джеку Потрошителю.

– Я читал в газетах, что одну жертву задушили ее же кишками, а другую нашли с собственной головой в руках. Только зачем это могло понадобиться г-ну Рачковскому?

– Видете ли, ваше превосходительство, я сам толком не ведаю. Он утверждал, что для его планов потребен на посту комиссара полиции не Чарльз Уоррен, а Джеймс Монро, и мы

при помощи организованной мною вокруг убийств газетной компании добились этого. Но до самих убийств мы с паном Владимировым никакого отношения не имели.

– Подождите, – оборвал его Дурново, глядя в окно на площадь.

– Если я не ошибаюсь, это карета Николая Дмитриевича.

Спустя несколько минут лакей доложил о прибытии действительного статского советника Николая Дмитриевича Селиверстова. Появление этого человека здесь, в квартире у министра, многое объясняло Фаберовскому. Когда они с Владимировым бежали из Англии, обложенные со всех сторон полицией и врагами, именно Селиверстов, злейший недруг Рачковского, должен был встретить их в Бельгии и обеспечить им безопасность. Но по его нерасторопности прямо на пристани в Остенде они попали в руки людям Рачковского и оказались в Якутске, а Селиверстов даже не попытался предотвратить этого. Теперь же ему, наверное, понадобились их услуги в борьбе с заведующим Заграничной агентурой в Париже и он вернул их обратно в Петербург.

Фаберовский отошел в сторону и встал так, чтобы вошедший не сразу заметил его.

– Кто это, Петр Николаевич, у вас в приемной сидит? – спросил Селиверстов у Дурново, кивая через плечо на дверь. – Уж не господин ли Владимиров?

– Он самый. Дурак какой-то, честное слово.

– Э нет, не скажите! – возразил Селиверстов, все еще не замечая Фаберовского. – Кто подстроил так, что на пристани Остенде агенты Рачковского оказались раньше меня? Ведь им вовсе не должно было знать о том, что господин Фаберовский будет вывозить убийцу и всех прочих из Лондона в Бельгию! Я уверен, что Владимиров только прикидывается идиотом, а на самом деле важнейший агент Рачковского. Вот скажите мне, Петр Николаевич, как это он нашел в Лондоне беглого матроса Курашкина с броненосца «Петр Великий» – через шесть-то лет?

– Давайте проверим, – предложил Дурново. – Пригласите г-на Владимирова.

– Ваше превосходительство, его нету! – испуганно доложил жандармский офицер.

– Убежал, мерзавец! – стукнул тростью Селиверстов. – Я же говорил!

– Он сидел на диване спокойно, как мешок с отрубями, – оправдывался офицер, – а потом как рванул по лестнице, только его и видели.

– Ну так пойдите и найдите его!

Стоя за спиной Селиверстова, поляк вперил взгляд в директора департамента, который, как-то загадочно улыбаясь, пододвинул к себе вазочку с вареньем. Фаберовский не понимал, куда мог так стремительно сбежать Артемий Иванович. А Дурново, казалось, это было известно. Что, если Дурново заодно с Рачковским? И Артемий Иванович, купившись на щедрые посулы министра, согласился вернуться в лоно Заграничной агентуры? Тогда что ему ждать от министра и Рачковского для себя?

– Как вы считаете, Николай Дмитриевич, водочку как лучше принимать: под капусту соленую или под огурчики? – спросил Дурново. – И не хотите ли вы, Николай Дмитриевич, откусать со мной водочки?

– Какая уж тут водочка, Петр Николаевич! – расстроенно сказал Селиверстов и подергал рукой за Владимирский крест, словно лента давила ему шею. – Когда у нас прямо из-под носа сбежал опаснейший для нас человек! Поляк с ним убежал?

– Да вот же он, позади вас стоит.

Селиверстов обернулся и молча уставился на Фаберовского, по-лошадиному жуя старческими губами. Он видел поляка очень давно, к тому же со свалывшейся бородой и космами волос Фаберовского сейчас не узнал бы и Рачковский.

– Премного благодарен за все, что вы для нас сделали, – сказал поляк и отвесил старому генералу низкий поклон. – Осмелюсь спросить у вашего превосходительства: для чего

мы не были сразу же возвращены обратно до Петербургу? Ведь прошло еще почти полгода после нашего приезда до Бельгии, прежде чем нас отправили этапом с Москвы до Сибири.

– Видите ли, любезный, тогда был еще жив министр внутренних дел Толстой и его превосходительство Петр Николаевич, – Селиверстов посмотрел на Дурново, – не мог противиться его решению. Когда в апреле прошлого года Толстой умер и министром был назначен Иван Николаевич Дурново, мы смогли устроить решение о вашем возвращении, но когда оно было утверждено и началась переписка, ваш этап уже прошел Омолой, далее которого нет, как вам известно, телеграфной связи.

– А теперь, стало быть, связь ту проложили? – закипая, спросил Фаберовский.

– Нет, мы послали письмо нарочным.

– А пред тем этого сделать было не можно?

– Не забываетесь, сударь! – осадил поляка Дурново. – И вообще, со своей стороны я все сделал, скоро придет моя жена и мы будем ставить клистир ее шпичу. Заберите его, Николай Дмитриевич, отсюда.

– Да-да, конечно, – засуетился Селиверстов. – Вы только сообщите кому следует. А что делать со вторым?

– Когда найдете, всыпьте ему по первое число, – Дурново поднял трубку стоящего на столе телефона и попросил соединить с Петергофом, назвав номер. – Господин Федосеев?! Директор Департамента полиции Дурново. Я хотел бы поговорить с его превосходительством генералом Черевиным. Петр Александрович?! У меня в кабинете находятся те два человека, о которых говорил генерал Селиверстов. Их только сегодня доставили из Якутска. Когда их вам привезти?

Не успел он повесить трубку на рычаг телефона, как два жандарма, грохоча шпорами, внесли в кабинет висевшего между ними Владимирова, на ходу пытающегося допить пиво из трактирного стакана.

– Куда же вы убежали, г-н Владимиров? – спросил Дурново.

– Я отлучился. Только на минутку.

– Он уже сидел в кабаке, когда мы нашли его, – сообщил жандарм.

– Я так и думал.

Дурново отослал жандармов и сказал, обращаясь к Селиверстову:

– Как мне сейчас сказали, г-н Федосеев будет ждать их в Петергофе в походной канцелярии начальника императорской охраны. Но просто так их в Петергоф не пустят, так что вам, Николай Дмитриевич, придется сопровождать их.

Глава 2

Черевин

Летом население столицы уменьшалось и мировой суд действовал в половинном составе, отчего в Арестном доме на набережной Монастырки было достаточно свободных мест. Два таких места достались на ночь по распоряжению Селиверстова Владимирову с поляком. По распоряжению того же Селиверстова их вымыли в бане и даже накормили. Единственное, чего им не удалось, так это толком выспаться, потому что уже утром за ними приехал жандарм и отвез прямо к поезду на Балтийский вокзал, где их ждал Селиверстов.

Оба бывших ссыльных вместе с жандармом поместились в вагон третьего класса, а сам Селиверстов предпочел первый класс, но когда все четверо вылезли на дебаркадере Петергофского вокзала, ему пришлось смириться с тем, что один из ссыльных поедет с ним в экипаже. На привокзальной площади после долгой торговли он взял двух извозчиков. Себе в попутчики он выбрал поляка, а Артемий Иванович, как представляющий опасность, поместился на синем суконном сиденье рядом с жандармом.

Извозчики покатали вдоль Александринского парка, мимо дач в сторону уланских казарм, и Селиверстов завел разговор о достоинствах женщин и о возможном разрешении городской управы ездить им на империалах. Генерал никогда не ездил на конке, но сама мысль о том, что можно будет, стоя внизу, заглянуть под юбку поднимающейся на империал даме, возбуждала старого сластолюбца до крайности. «Представляете, какие можно будет увидеть виды!», – говорил Селиверстов Фаберовскому, причмокивая губами, и глядел на него, ища сочувствия. Это он называл «Привлекать на свою сторону молодежь».

Но тактику привлечения на свою сторону Фаберовского он выбрал неправильно. Поляк и так был зол на него за его полнейшую никчемность и беспримерную неспособность, из-за которой пришлось провести целый год в Якутске. А тут еще эта неумная старческая болтливость и нестерпимый запах помады, исходивший от седых бакенбард. Он старался не смотреть на генерала, тем более что никогда не бывал в Петергофе и ему было что разглядывать, кроме Селиверстова.

Зато Артемий Иванович нашел себе достойного собеседника. Жандарм оказался словоохотлив и с удовольствием втянулся в разговор о местных достопримечательностях, среди которых Владимиров числил «монопольку» на Петербургском проспекте рядом с Торговой площадью и трактир «Вена» неподалеку.

Они проехали мимо громадного уланского манежа из красного кирпича, обогнули пятиглавый полковой собор на площади и затем по Ольгинской покатали в сторону Петербургского проспекта, пересекли его и проследовали дальше вдоль готических, исполненных в английском вкусе, дворцовых конюшен, занимающих своими красными корпусами с белыми крепостными зубцами по стенам и на квадратных башнях целый квартал.

У ограды Нижнего парка на углу Конюшенного корпуса Селиверстов остановил извозчика и ввел Фаберовского и Владимирова в ближайшую дверь, велел дежурному офицеру доложить о его прибытии заведующему канцелярией главного начальника охраны, камергеру двора Федосееву.

Вскоре они уже поднимались по резной дубовой лестнице на второй этаж. Селиверстов задержался у большого зеркала, причесывая бакенбарды, и в светлый кабинет с большими окнами поляк с Владимировым вошли одни. Слабый казарменный запах, крепкое амбре кожаной амуниции и фимиама, исходивший от тигля с расплавленным сургучом, заполнял все помещение. В углу рядом с окном висела позолоченная клетка, в которой сидел старый белый какаду и в кормушку которому подливал воду из серебряного кофейника похожий на цер-

ковного старосту человек с бледными, худыми руками, торчащими из белоснежных манжет. У человека был нездоровый вид и черные глаза бусинками, которые совершенно не соответствовали расхожему представлению о камергере двора Его Величества.

– Что вам угодно? – тихим бесцветным голосом спросил камергер, беззвучно ставя на стол кофейник.

– Ваше высокоблагородие, – начал Артемий Иванович. – Его превосходительство внизу волосы чешут, так что мы...

– Господин Федосеев, это те самые люди, – сказал Селиверстов, тоже входя в кабинет.

От голоса Селиверстова попугай в клетке проснулся, повис на перекладине вниз головой и проскрипел, томно закатив глаза: «Дуррак».

– Вот, уже узнает меня, – самодовольно проговорил Селиверстов.

– Селиверррррстов дурррак, – повторил какаду. – Федосеев дурррак. Камеррггеррр. Имперрраторр Александррр... – Какаду схватился клювом за кольцо, болтавшееся в клетке на веревочке, и кокетливо закачался. Все находившиеся в кабинете замерли в ожидании, а Артемий Иванович даже верноподданнически выпучил глаза. Выдержав паузу, попугай перестал качаться и, сев обратно на жердочку, внятно сказал в тишине: – Мирротворрец.

– Опытная птица, – с облегчением сказал Федосеев и пригладил зализанные и расчесанные на прямой пробор волосы. Какаду с презрительным видом пересел на жердочке спиной к Селиверстову и тут увидел Артемия Ивановича.

– Дурррак, дуррак, дуррак! – заорал попугай и забился в истерике.

– Сам дурак! – сказал глупой птице Артемий Иванович и Селиверстов поддержал его:

– Действительно, Григорий Ардалионович, держите тут всяких птиц, а они оскорбляют достойных людей.

Федосеев снял с высокой резной спинки своего стула черную тряпку и поспешил накрыть ею клетку, после чего попугай умолк.

– Эта птица распоряжением министра императорского двора приписана к моей канцелярии из Фермерского дворца за старостью лет и болтливостью, – Федосеев искоса взглянул на Селиверстова, – не знаю, жил ли он уже при Петре Великом, но по тому, как он называет покойного императора «отроком» и рассказывает о первом интимном свидании Александра Николаевича с будущей княгиней Юрьевской в Монплезире, ему по крайней мере лет пятьдесят. Однако давайте приступим к делу, – предложил камергер. – Генерал Черевин просил составить протокол всего, что здесь будет говориться, и затем передать ему. Кто будет писать, Николай Дмитриевич?

– Может, не стоит писать... – усомнился Селиверстов. – Мы ему так, на словах передадим.

После нескольких скандалов с записками к замужним дамам, произошедших еще во времена его пензенского губернаторства, Селиверстов очень не любил оставлять на бумаге следы своей деятельности.

– На словах невозможно, – покачал головой Федосеев. – К тому же полковник Секеринский тоже, как вы помните, хотел знать все подробно, и мы будем должны предоставить ему копию.

Фамилию Черевина Фаберовский знал: так звали генерала, когда-то бывшего адъютантом у Муравьева-Вешателя после подавления Варшавского восстания и потом короткое время возглавлявшего Третье отделение до его упразднения, а вот фамилию Секеринского слышал впервые. Он бросил взгляд на Артемия Ивановича и по его посеревшему лицу понял, что ныне люди, скрывавшиеся за этими фамилиями, представляют собой важные персоны в России. А Владимирову было отчего посереть. Генерал-майор Петр Черевин возглавлял охрану царя, а полковник Секеринский был начальником Санкт-Петербургского охранного отделения и по прежним меркам мог считаться равным начальнику Третьего отделения.

– Ну если писать, то вам и карты в руки, Сергей Григорьевич, – сказал Селиверстов. – У вас почерк хороший, не то что у меня, старика.

Федосеев сел за стол, царственным жестом достал чистый лист из кипы бумаги и положил перед собой. По тому артистизму, с каким он проделал это, по порядку и заботе, с какой были расставлены по столу бронзовые чернильницы, ножи для разрезания книг, клякс-папье и валики для промакивания чернил, пресс-папье разных форм, машинки для заточки карандашей, сшиватели и дыроколы, было видно, что общаться с бумагами и канцелярскими принадлежностями он умеет и любит, и что такое общение составляет одно из главных удовольствий в его жизни.

– Ну-с, рассказывайте, – Федосеев взял с изящной подставки ручку с английским пером и макнул ее в чернила.

– Мне хотелось бы прояснить один вопрос, – сказал Фаберовский.

– Генерал Селиверстов всю дорогу от вокзала оповедовал мне о своей любви к молоденьким пухленьким хористкам и балеринам в кружевных розовых панталончиках. Но он так и не удосужился мне поведать, что же на самом деле произошло тогда в Остенде, когда нас захватили люди Рачковского, почему мы оказались в Якутске, а затем вдруг были вызваны обратно до Петербургу.

– А вы мне о кружевных панталончиках никогда не рассказывали, Николай Дмитриевич, – сказал Федосеев, с любопытством взглянув на сконфуженного Селиверстова. – Полагаю, эти господа имеют право знать, что с ними произошло.

– Ну что ж, извольте, – нехотя согласился Селиверстов. – Мы действительно не рассчитывали, что Рачковский окажется так скор и когда вы, господа, прибудете на шхуне из Англии, он уже будет ждать вас на пристани. Личная агентура директора Департамента полиции, инспектировать которую ежегодно я имею честь, находилась большей частью в Париже, где следила за самим Рачковским и всеми его французскими агентами. Однако он обхитрил нас, послав в Бельгию еще до того, как мы установили за ним и его людьми слежку, своего агента Продеуса. В Бельгии у нас не было своих людей и когда я приехал в Остенде, мне пришлось обращаться в бельгийскую полицию, которая была слишком нерасторопна.

– Сдается мне, ваше превосходительство тоже не очень спешился, – резко сказал Фаберовский.

Артемий Иванович в отношениях с начальством обладал чутьем и знал, когда можно себе что-нибудь позволить, а когда надо поцеловать ему ручки. И он сразу почувствовал, что поляк начинает зарываться, что если сейчас же не унять его, их могут отправить обратно или еще чего похуже.

– Вы несправедливы к его превосходительству, господин Фаберовский! – набросился Владимир на поляка. – Если бы вы не опоили на шхуне всех каким-то сонным зельем, мы смогли бы дать достойный отпор людям Рачковского и они не смогли бы помешать планам его превосходительства в отношении нас. А из-за вас нас взяли голыми руками!

– Полно, полно, господин Владимир, – успокоил Артемия Ивановича Селиверстов. – Господин Фаберовский имеет право сердиться, ведь я действительно не нашел вас на пристани, когда приехал туда.

По тону, каким это было сказано, поляк понял, что у него не было никакого права сердиться и он должен быть благодарен Селиверстову хотя бы за то, что навечно не остался гнить в Сибири. Фаберовскому стало ясно, что этот старик очень злопамятен и при случае еще припомнит ему и кружевные панталончики, и обвинение в неторопливости. Поэтому поляк почти полностью поклонился и предоставил Селиверстову продолжить рассказ.

– Я не знаю, каким образом Рачковский доставил вас в Россию через границу, – сказал Селиверстов. – Мне известно только, что потом он через свою давнюю приятельницу княгиню

Радзивилл, которая, как бы это сказать... живет maritalment⁵ с генералом Черевиным, добился от Черевина вашей отправки в Сибирь в административном порядке.

Селиверстов перевел дух и налил себе в стакан воды из стоявшего на столе у Федосеева кофейника. Камергер дернулся, но генерал не заметил, что в стакане была вода для какаду, и Федосеев успокоился.

– Как я и говорил вам у Дурново, – возвратил Селиверстов на стол стакан, – после смерти графа Толстого мы с Григорием Ардалионовичем упросили Черевина добиться у назначенного по черевинской протекции министра внутренних дел вашего возвращения в Петербург. Мы пытались сделать это еще в прошлом году, но ваш этап уже прошел Омолой и дело пришлось отложить до нынешней весны.

– И для чего же потребовалось нас возвращать? – спросил Фаберовский. – Неужели замучила совесть?

– Нам с камергером Федосеевым и полковником Секеринским нужен был процесс против Рачковского по лондонскому делу Джека Потрошителя. А без свидетелей мы ничего не могли сделать.

– Существуют иные свидетели. Дарья Семеновна Крылова, например, или сам Потрошитель, пан Коновалов.

– Господин Коновалов умер на Пряжке в больнице Николая Чудотворца во время эпилептического припадка незадолго до Успенского поста, – дал справку Федосеев, – а госпожа Крылова, которая проживала с ним в Лондоне под видом его сестры, ничего не знает.

– Так вы все еще хотите устроить процесс против Рачковского? – спросил у камергера поляк. – А ежели я не соглашусь давать показания? Наша с паном Владимировым роль в этом деле не самая благовидная и если мы будем болтать, то тоже можем оказаться на скамье подсудимых, только в уголовном суде.

– Какой там процесс, батюшка, бог с вами! – медленно проговорил Федосеев, откинувшись на спинку и разглядывая перстень на своем среднем пальце. – Он вызвал бы в Европе слишком недоброжелательное отношение к России и русской тайной полиции и помешал бы работе ее агентов за границей. Но необходимость избавиться от Рачковского осталась и даже более того, усилилась. К сожалению, и министр внутренних дел, и директор Департамента полиции считают абсурдными обвинения Рачковского в провоцировании убийств в Лондоне.

– Вы, наверное, и сами могли заметить это по вчерашнему разговору у Дурново, – вставил Селиверстов.

– Оба считают Рачковского способным и деятельным агентом, который в качестве начальника Заграничной агентуры находится на своем месте. К сожалению, времена, когда Рачковский легко мог быть снят со своего поста, проходят. Пять лет назад, осмелившись вмешаться в дела царской семьи и написать императору донос на морганатическую мачеху того, княгиню Юрьевскую, жившую в Ницце, Рачковский едва вовсе не лишился каких-либо надежд на дальнейшую карьеру. Император долго помнил его наглость. Однако сейчас у Рачковского есть сильный покровитель в лице гофмаршала князя Оболенского, Рачковский лично возглавляет охрану императора во время его поездок в Данию, к тому же он попал в фавор за свое участие в аресте группы русских бомбистов в Париже, готовивших покушение на царя.

– Сегодня прочитал, Григорий Ардалионович, – сказал Селиверстов, – что французские газеты передают о пожаловании французскому министру внутренних дел Констану ордена Анны 1 степени.

– О причине такого благорасположения государя к Констану можно и не гадать. Люди полковника Секеринского перлюстрировали письма посла во Франции и узнали, что барону Моренгейму из надежного источника, каковым мог быть только Рачковский, стало известно

⁵ (англ) в качестве жены.

о наличии в Париже тайной мастерской по приготовлению бомб. 21 мая барон узнал, что министры Констан и Карно уезжают на юг и приехал на вокзал, чтобы потребовать арестовать нигилистов. 28 мая были произведены аресты, что вызвало одобрение у Государя. Барон Моренгейм надеется на шумный процесс. Если отношения с республикой начнут налаживаться, Рачковского станет труднее свалить.

– Еще бы! – воскликнул Селиверстов. – У него уже есть достаточно высокие покровители не только в лице князя Оболенского, потому что нет для заезжих высокопоставленных особ лучшего чичероне по значным местам Парижа, чем Рачковский. Он и меня водил однажды.

– Место заведующего Заграничной агентурой приобретает вес и от Рачковского надо избавляться быстро, пока он не приобрел влияния при дворе, – сказал Федосеев. – Кто знает, если дела пойдут у него в гору, то скоро он сможет занять место генерала Черевина. Мы должны добиться его отставки и посадить на место заведующего Заграничной агентурой лояльного нам человека.

– Григорий Ардалионович думал, что он сам мог бы занять этот пост или поручить его мне, – сказал Селиверстов.

– А вот этого, Николай Дмитриевич, – с нажимом произнес камергер, – можно было тут и не произносить.

Ни у кого из присутствовавших в кабинете не могло возникнуть сомнений, что Селиверстов специально сказал об этом, в отместку Федосееву за то, что при нем он был унижен Фаберовским. Но сам Селиверстов сделал невинное лицо и сказал:

– Вы правы, Григорий Ардалионович. Особенно я не доверял бы господину Владимирову. Я уверен, что это он сообщил Рачковскому о времени прихода шхуны в Остенде и из-за него мы потеряли столько времени.

– Перед любым судом я готов рассказать, – с обидой заявил Артемий Иванович, – как Рачковский вовлек нас в уголовные злодеяния и заставил укрывать от лондонской полиции найденного им нарочно в Париже маньяка-фельдшера, когда тот резал бабов, чтобы добиться отставки комиссара полиции и натравить на русских нигилистов эту самую полицию. Но я никому ничего не сообщал, вот так-с!

– Перед судом рассказывать не надо, – оборвал Владимиров Федосеев. – А вот нам сейчас вы все это и про Рачковского, и про фельдшера-маньяка изложите.

Следующие два часа Федосеев с Селиверстовым дотошно допрашивали поляка с Артемием Ивановичем, тут же перенося на бумагу любой новый факт, который им удавалось извлечь. Фаберовский изворачивался как мог, чтобы преуменьшить их с Владимировым роль в этом деле, но затем в дело вступал Артемий Иванович, сбалтывал что-нибудь в запале и Фаберовскому под напором Федосеева и Селиверстова приходилось идти на попятный, а затем опять врать и изворачиваться, чтобы исправить нанесенный Артемием Ивановичем ущерб. Со своей стороны, Артемий Иванович непрерывно добавлял все новые и новые фамилии и неслыханные подробности. Наконец, следователи выдохлись и поляку с Владимировым было велено подписать протоколы.

– Ну что ж, очень хорошо, – потер холёные белые руки Федосеев.

– Того, что вы здесь наговорили, да еще вкуче с расследованием по делу о незаконном использовании средств, отпущенных на создание швейцарской агентуры, должно хватить, чтобы стереть Рачковского в порошок. Дождемся, пока улягутся восторги в связи с процессом бомбистов, и начнем. А вы, господа, оставайтесь в Петербурге и ждите, пока нам понадобится. И не думайте убежать. Полковник Секеринский найдет вас даже под землей.

– Низайше извиняюсь, – елеинным голосом произнес Артемий Иванович, – но не могло бы ваше превосходительство дать нам хоть немного денег. По дороге из Якутска мы так издержались, что не только на ночлег, даже на еду средств не имеем.

– До завтра я определю вас в Официантский корпус, где вы сможете и столоваться, – улыбнулся Федосеев, – а там что-нибудь придумаем. Без денег и без ваших видов на жительство, каковые находятся сейчас у Николая Дмитриевича, вы от нас никуда не денетесь.

Объяснив, как добраться до Официантского корпуса, Федосеев приказал дежурному офицеру выпроводить посетителей вон и вскоре они уже стояли на улице.

– Курва мать! – в сердцах сказал Фаберовский. – Лепшей бы мы остались в Якутске!

– Может, драпанем? – предложил Артемий Иванович.

– На какие шиши? Мы не имеем даже документов. Полиция нас мгновенно сцапает.

Они огляделись. Справа в конце улицы виднелись ворота в парк Александрию с полосатой караулкой, от которых по направлению к ним скакал чернобородый казак в алой суконной черкеске и тяжелым смит-и-вессоном в кобуре на правом боку.

– Не вы ли, господа, будете Владимиров и Фаберовский? – осадил около них жеребца казак. – Генерал-майор свиты его величества Черевин хотел бы вас лично видеть.

Начальник царской охраны был при дворе величиной, тут и к бабке не ходи. Конечно, по просьбе Селиверстова и начальника своей канцелярии Федосеева он мог добиться их возвращения из Якутска, но зачем ему самому могли понадобиться два административных ссылки?

– Он живет вон там, в Готическом доме на углу за Мариинской улицей. – Казак указал нагайкой на ближайший из вытянувшихся напротив парковой ограды невысоких ярко-желтых домов. – Только говорите громче, он плохо слышит.

Некоторое время казак ехал рядом с ними.

– Видали гадину белобрысую? – спросил он, показывая нагайкой в сторону окон канцелярии.

– Федосеева?

– Попугая! – Казак со злобой плюнул. – Через день в дежурство назначают, коня некогда почистить, а тут, вишь, двоих человек кажинный день наряжай ему семечки лузгать.

Все это было очень странно, но делать было нечего и Владимиров с Фаберовским покорно поплелись в указанном направлении. Войдя в дверь и скромно сев на жестком диванчике внизу, они стали ждать. Денщик, стиравший пыль с перил готической лестницы, заметил их и, оставив свое дело, поднялся вверх. Вскоре к ним спустился пожилой человек с резкими чертами лица, пышными усами по военной моде предыдущего царствования и большим носом, делающим его похожим на грача в свитском мундире.

– Так это вы? – спросил он, дыхнув на них перегаром.

– Мы, – дружно ответили Артемий Иванович и Фаберовский.

– И как вам не стыдно, господа, из дворцового управления простыни красть?

– Мы не с Дворцового управления, мы с Якутска, – сказал Артемий Иванович.

– Как?! – переспросил генерал.

– С Якутска мы, – повторил Владимиров. – Для скорейшего снятия Рачковского прибыли к вам прямо с Якутска.

– А! Мне послышалось, что из кутузки.

Когда-то этот низкорослый, тугой на ухо генерал, прозванный за глаза еще в бытность начальником Собственного Его Императорского Величества Конвоя «конвойным глухарем», слыл в свете отчаянным кутилой и помпадуром. В те времена его тараканьи усы воинственно торчали вверх, вызывая восхищение у дам, от него не разило перегаром и он мог позволить себе верхом на аргамаке из царской конюшни въехать по лестнице в покои своей очередной любовницы, невзирая на присутствие ее мужа, вызывая удивление даже у конвойных лезгин. Он был шафером на свадьбе покойного императора с княгиней Долгорукой и попечителем их детей, ему выпало быть начальником Третьего отделения и товарищем министра внутренних дел по полицейской части. После неудачного покушения на него Черевин едва не стал осо-

бым министром полиции, но тогдашний министр внутренних дел отсоветовал Александру III от такого выбора. И все-таки, оставшись просто начальником дворцовой охраны, Черевину удалось добиться самого высшего из возможных в государстве постов: он стал собутыльником царя. Теперь, вечно пьяный и больной, он уже не кутил с балеринами у Додона и Бореля, он круглый год почти безвылазно сидел в Гатчине, чтобы царю всегда было с кем выпить, если ему незаметно удастся сбежать от жены. Зато его влияние на назначение императором разных государственных чиновников трудно было переоценить, к нему обращались с просьбами и очень часто ему удавалось их выполнять.

Большей частью именно благодаря его хлопотам на пост министра внутренних дел год назад был назначен Иван Николаевич Дурново.

– Так это правда, что мне Федосеев про Рачковского болтал? – спросил Черевин. – Кто бы мог подумать. Но давайте пока поднимемся ко мне.

Жилище Черевина оказалось скромной квартирой из нескольких небольших комнат. Маленькая гостиная, куда он провел их, была меблирована казенным буфетом, бюро, заставленным пустыми бутылками, среди которых приютился портрет молодой красивой женщины с подписью по-французски «Duchesse Catherine Radziwill⁶», и кожаным диваном с высокой готической спинкой. Пахло вином и кислой капустой.

– Дело в том, – Черевин жестом предложил своим собеседникам сесть, – что мне наплевать на Рачковского. И министра я убедил вернуть вас в Петербург не ради их планов насчет Рачковского. Вы оба мне нужны самому. Выпьете?

Он подошел к буфету, достал початую бутылку бристольского портвейна и разлил его в три рюмки.

– Пейте, пейте, не стесняйтесь, – сказал Черевин, видя смущение на лицах своих гостей. – У меня на собутыльников небогато: государь император, да вот вы еще подвернулись. О чем это я? Ах, да. Мое дело гораздо более важное и опасное, а потому дорого оплачиваемое. Если согласитесь, то можете забыть и о Федосееве с его играми, и о Рачковском. Я даю вам возможность подумать: готовы ли вы добровольно пойти на риск, а завтра утром вы явитесь ко мне снова и мы продолжим свой разговор.

Ночь Фаберовский с Владимировым провели в тревожных беседах. Если выступать на стороне Селиверстова, Федосеева и Секеринского против такого опасного и коварного противника, как Рачковский, было менее опасно, чем то, что предлагал Черевин, тогда что же он хочет от них? Рисковать жизнью ради неизвестной пока цели им не улыбалось. Но и пешками в игре против Рачковского им быть не хотелось. К тому же вопрос о деньгах стоял перед ними во всей своей первоизданной и могучей силе.

За завтраком, получив каждый по маленькому пирожному, они решились. На этот раз Черевин не стал их приглашать к себе, а вместо этого повел мимо конюшен к светлевшей на фоне буйной зелени низкой каменной оградой Александрии.

– Должен вам сказать, господа, – остановил он поляка и Владимирову поодаль от ворот, – что после этого разговора обратный путь для вас будет закрыт, я вынужден буду об этом позаботиться.

– Мы согласны, – подтвердил Артемий Иванович и зажег сигарету. Фаберовский заметил, что у него от волнения трясутся руки.

– Ну, пеняйте на себя, я вас предупредил. – Черевин подошел к будке с часовым и о чем-то переговорил с ним, после чего тот отпер ворота и пропустил всех троих в парк.

После жары, с самого утра изнурявшей Петергоф, Александрия казалась настоящим раем. Широкие кроны дубов и лип, в которых щебетали птицы, давали упоительную тень, от скошенной травы на полянах, от белых цветков лабазника, рассеянного по склонам, исхо-

⁶ (франц.) княгиня Екатерина Радзивилл.

дил медовый аромат. Они миновали изящное готическое здание церкви Александра Невского и по дороге спустились под гору, где на лужайке рядом с деревьями находился в тени небольшой колодец с чугунной беседкой вокруг него и сиденьями. На одном из сидений лежал несвежий полосатый тюфяк.

– Садитесь, господа, – предложил Черевин, выгнав из-за кустов конвойного казака. – Здесь нас никто не услышит. Я понимаю так, что боязнь выступить против г-на Рачковского заставила вас принять мое предложение, даже не узнав его сути.

– Денежный вопрос для нас имел первостатейное значение, – подал голос Фаберовский.

– Похвальный реализм, – сказал Черевин. – Я знал вашего Рачковского, еще когда он только в Третье отделение поступил. Он не стоит того, чтобы ради него рисковать.

– А я еще раньше его поступил, при Селиверстове, – подскочил на скамейке Владимир, едва не выронив изо рта сигарету, но тут же смущенно замолчал.

– Может быть, – неодобрительно промолвил Черевин. – Всего не упомнишь. Ну да теперь и без вашей помощи мой Федосеев со своим Селиверстовым и Секеринским его оттуда сковырнут!

Черевин достал из голенища сапога плоскую фляжку и, ловко отвернув пробку, забулькал.

– Должен открыть вам карты, господа: у нас с ними цели разных масштабов. Я хочу спасти ныне царствующую династию от краха.

Заметив, как при словах «спасти династию» поморщился поляк, Черевин повернулся к нему и вперил свои вдруг пьяно заблестевшие глаза в лицо Фаберовскому.

– Да-да, судьба династии действительно в опасности! И не террористы, жаждущие прервать жизнь нашему обожаемому монарху, угрожают ее дальнейшему существованию, нет. Угроза таится в ней самой. Наш наследник – форменный дегенерат, он не способен править великой страной. Георгий будет поспособнее его, но он, как вам, быть может ведомо, серьезно болен туберкулезом. Ему будет не по силам управлять монархией должным образом. Михаил, младший сын государя – вот кто может спасти от хаоса и разрушения наше Отечество. Но у него нет никаких шансов занять престол. Никаких шансов, господа.

Черевин опять приложился к фляжке. И тут со стороны тенистой дубовой аллеи, спускающейся прямо от Фермерского дворца вниз к колодцу, раздался громовой голос:

– Черевин, Черевин! Я знаю, что ты тут, скотина! Мне удалось удрать, не ударить ли нам по коньячку?

Все трое разом обернулись на голос и увидели подходящего к ним медведеобразного бородатого человека в потертом голубом мундире Атаманского полка на расплывшемся теле, в расшитых большущий заплатой клином на крупном бабьем задуге серо-синих шароварах с двойным лампасом, человека, чей образ был растиражирован в тысячах портретов для каждого маломальского присутственного места и которого в России мог не узнать разве что какой-нибудь темный крестьянин, никогда не выходивший за околицу своей глухой деревни.

– Государь... – просипел Артемий Иванович, немея от охватившего его волнения.

С залива пахло морем, ветерок принес слабый запах гнилых водорослей.

– А, ты не один... – разочарованно сказал царь, входя в беседку.

– Что это за люди?

Казалось, гигантская фигура Александра разом заполонила все небольшое пространство под навесом, отчего все трое в ней сидевшие как-то сжались, стараясь сделаться меньше и незаметнее.

– Инженеры, ваше величество, – пояснил Черевин, – снимают дачу в Новом Петергофе. Специалисты по минному делу. Я по утру проверял посты гвардейского экипажа на берегу да нашел вот на обратном пути здесь у колодца подозрительный предмет и подумал: не бомба ли

это? Вызывать саперов долго, понимаете сами, вот и пришлось прибегнуть к помощи простых, преданных вам подданных.

– Почему сразу не сказал?

– Не хотел беспокоить, ваше величество. Вдруг пустое... Так ведь и оказалось.

– Ну смотри у меня, Черевин! – царь пригрозил генералу пальцем.

– За каждым кустом, каждым деревом.

– Ваше величество...

– За что и люблю тебя, каналья. – Александр поместился на скамейку между Черевиным и Артемием Ивановичем и достал точно такую же, как у начальника своей охраны, флягу из-за голенища. – Ну, давай выпьем. И им тоже налей. Ты по какому ведомству состоишь? – царь ткнул пальцем во Владимирову.

– По министерству внутренних дел... – пролепетал Артемий Иванович. – Вернее, по части просвещения...

Черевин сделал ему страшное лицо и Владимиров, окончательно стушевавшись, умолк.

– Хочешь, я сделаю тебя министром просвещения? – спросил Александр.

Владимиров в ответ издал лишь неопределенный звук, не сумев выдать из себя ни одного слова. Император неприветливо взглянул сверху вниз на взиравшего на него с немым благоговением Артемия Ивановича. От ужаса и счастья лицезреть обожаемого монарха глаза Владимирову вылезли из орбит и приобрели совсем бессмысленное выражение.

– Что, страшно царя-то вблизи видеть? – Александр презрительно ухмыльнулся. – Тот же. Эх, гнетет меня, Черевин, предчувствие: не будет из Николая никакого толку. Вот есть он сейчас ребенок, таким и останется. Как тряпка. Это у него от мамы. Да и Георгий тоже хорош. Эх, почему не Мишка у меня первый родился. Вот из него бы я сделал настоящего царя.

Александр приложился к фляге и Черевин последовал его примеру. Фаберовский с Владимировым почтительно пригубили из крышек от фляг, куда им милостиво было налито коньяку.

Царь взглянул на обомлевшего поляка и совсем лишившегося разума Владимирову и прикрикнул на них грозно:

– А вы чего уши распустили? Пейте и убирайтесь восвояси. Не для вас царские разговоры.

Возможно, досталось бы еще и им, и Черевину, но тут с аллеи, из которой совсем недавно нагрянул император, донесся грубый, слегка шепелявящий женский голос.

Царь затравленно оглянулся и, быстро покинув беседку, пошел навстречу своей маленькой супруге. Императрица что-то сердито сказала ему и пошла наверх, а император виновато поплелся зади. Когда царственная чета наконец удалилась, Черевин сказал приходящим в себя поляку и Владимирову:

– Вы, кстати, вы имейте в виду, что вы видели не государя, а черт знает, что. Я его сам таким никогда не видел. Я-то думал, что он не придет, потому что квасит второй день.

Однако, видите, господа, его величество придерживается того же мнения о судьбе династии, что и я.

Он оглядел все еще молчащих агентов и убрал фляжку.

– Перед воротами в этот парк я предупредил, господа, что если вы согласитесь войти туда для разговора со мной, обратного пути вам уже не будет. У меня есть для этого достаточно сил и возможностей. Все, что вы наболтали вчера Федосееву под чем поставили свои подписи, может быть передано иностранным полициям, и тогда во всей Европе для вас не останется ни одного безопасного места. И потом, деньги вы получите большие. Да и не таков для вас риск, как это может показаться вначале. К делам такого рода, сколько мне о вас обоих известно, вы привычны, так что совесть не будет вас сильно мучить.

– Лично меня сейчас мучит страх за собственную жизнь, – сказал поляк, – и, в несколько меньшей мере, безденежье.

– Попробую облегчить ваши муки. Со вторым проблем не будет, а насчет первого я могу вам сказать следующее: осенью, после поездки с отцом на охоту в Спалу, наследник-цесаревич отправится в кругосветное путешествие через Грецию, Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Китай и Японию до Владивостока. Для этого в Кронштадте уже строится новый фрегат «Память Азова». На фрегате из самого Севастополя пойдет великий князь Георгий, наследник присоединится к нему в Триесте. Я долго размышлял и пришел к выводу, что лучшее место для покушения – Египет. Сейчас там нет никакой сильной власти, англичане спорят за влияние с французами, Египет достаточно далек от всех европейских держав, там очень много разных противодействующих сил и в случившемся, если убийцы не будут пойманы и опознаны, можно будет обвинить кого угодно.

– Мне хотелось бы поподробнее насчет «не пойманы и не опознаны», – сказал Фаберовский.

– Да-да, очень бы этого хотелось, – поддакнул Артемий Иванович.

– Об этом я тоже думал, – сказал Черевин. – Предполагается, что в Египте «Память Азова» придет в Порт-Саид, откуда наследник и сопровождающие его лица поедут в Каир и оттуда поднимутся до вторых нильских порогов. Заметьте: они все время будут находиться на каких-нибудь судах. В связи с этим я хотел бы рассказать вам один случай. Это было за несколько дней до того, как молния разрушила обелиск на площади Коннетабля в Гатчино. Я, в то время товарищ министра внутренних дел по части полиции и командир жандармов, был вызван к тогдашнему начальнику охраны Воронцову-Дашкову в Гатчино. После злодейского убийства Александра II все были заражены новым градоначальником Барановым террористической истерией. Новый император катался по Белому озеру на лодке. Мы с Воронцовым-Дашковым стояли у перил террасы и смотрели вниз. И вдруг я увидел, как под лодкой императора проскользнуло темное тело какой-то громадной рыбы, что-то вроде небольшого кита или гигантской белуги.

– Должно быть, щука, ваше превосходительство, – пояснил Артемий Иванович. – Белуги с китами у нас под Петербургом не водятся.

– Как?! – переспросил Черевин. – Какими скотами? Говорю вам, это не корова была, а больше похоже на кита. Когда я пригляделся, то понял, что это не рыба, а какое-то подводное судно вроде железной бочки. Представляете, что я подумал: всего три месяца прошло с убийства царя, новый государь вынужден укрываться от террористов в Гатчино и не смеет даже показаться в Петербурге! Кругом охрана, ни одна птица не могла пролететь незамеченной, но никто не охранял воды озера, откуда, как было видно, императору тоже могла угрожать опасность. Я закричал, указывая на озеро, царь с царицей обернулись, но тут граф Воронцов успокоил меня, сказав, что сие подводное чудо привезено в Гатчино по распоряжению государя для личного ему представления. Мы с графом дождались, пока шлюпка с государем подошла к пристани, и спустились вниз на пристань. Из воды у самого борта царской шлюпки всплыла белая спина подводного судна, открылась горловина и из нее на пристань, словно черт из коробочки, выскочил какой-то поляк с закрученными усами и козлиной бородкой, в покрытом ржавчиной сюртуке с солдатским Георгием на груди. Еще выпьете?

– Рады стараться, ваше превосходительство! – гаркнул Артемий Иванович.

– Тише вы! Кто ж тут кричит! – шикнул на него Черевин.

Он протянул им фляжку и предложить отхлебнуть прямо из горлышка. Фаберовский отказался, а Артемий Иванович присосался к фляжке как пиявка и выдул ее до дна.

– Знаешь что... – сказал Черевин, заглянув во фляжку. – Давай мы тебя наследником назначим. Ты уже готов.

– Ваше превосходительство оповедило нас о подводном судне и поляке, который выскочил с нее на пристань, – поспешил напомнить Фаберовский.

– От него так разило козлом, горохом, говяжьим салом и солдатскими портянками, что императрице пришлось зажать нос платком. Не помог даже букет орхидей, который этот поляк преподнес императрице, чтобы занюхать разивший от него самого дух. Однако наш император любит такие тонкие солдатские ароматы; он остался доволен и приказал только что назначенному военному министру устроить с полсотни таких подводных судов. Они до сих пор имеются и здесь в Петербурге, и в Севастополе. Гениальнейшее средство для террористов. Его создателем был один поляк по фамилии Джевецкий, он жил в Петербурге где-то на набережной рядом с Адмиралтейством, а теперь, как мне говорили, поселился в Париже. К чему я рассказал об этом Джевецком с его подводным судном? К тому, что мы можем получить в Инженерном ведомстве одно такое судно из тех, что находятся в Севастополе, и перевезти в Одессу, откуда отправить в Египет. Там, в зависимости от ситуации, либо в порту, но лучше во время путешествия по Нилу, нигилисты могут подойти под судно, на котором будут находится цесаревич с братом, и взорвать его. А потом тишком уплыть подальше и вылезти на берег, а само судно утопить, чтобы его не нашли. Вам следует иметь в виду возможность такого нападения.

– Чтобы организовать подобное, нам потребуются постоянные сведения о том, что и где намеревается делать наследник в пору путешествия до Египту.

– Вы запомнили того конвойного казака, который направил вас вчера после Федосеева ко мне? Его фамилия Стопроценко, он урядник в Кубанском эскадроне. Преданный мне человек, я знаком с ним еще с Кавказа. Стопроценко единственный, кроме вас, кто знает о моем плане. Он уже определен сопровождать цесаревича и будет сообщать вам все необходимые сведения.

– А как мы с паном Черевинным будем рассчитывать? – спросил Фаберовский. – Что мы получим за спасение династии?

– Сто тысяч на двоих.

– Я бы хотел еще местечко директора гимназии или попечителя, – подал голос Артемий Иванович.

– Я похлопочу за вас перед кем надо в Министерстве просвещения. Но учтите, после того как Федосеев выпрет Рачковского, нам потребуются преданные и опытные люди, которые смогут вместо него организовать сыск за границей.

– Это мы всегда с радостью... За Государя в огонь и воду... Если что, мы и на грибах протянем, тут под кустами я несколько видел.

От потрясения с Артемием Ивановичем случилась нервная горячка и он начал нести невесту что.

– В сентябре вы получите деньги на организацию перевозки подводного судна в Египет и на все необходимые расходы, – сказал Черевин, недоуменно взирая на Владимирова. – И на еду вам хватит, так что оставьте грибы в покое, тем более что в другой раз вас сюда не пустят.

– Но у нас совсем нет денег!

– Я дам вам некоторый аванс. Но учтите, что до сентября вы должны бесследно исчезнуть, чтобы ни Федосеев, ни кто-либо другой ни сном, ни духом не ведали, где вы находитесь. О том, что о нашем разговоре вы должны молчать, не считаю нужным даже напоминать.

– А как нам быть с документами? – спросил Фаберовский. – Все, что мы имели, находится теперь у Селиверстова.

– Полагаю, начальник сыскной полиции господин Вошинин не откажет мне в маленькой услуге и озаботится тем, чтобы выправить вам новые паспорта. Но тогда о старых своих фамилиях вы должны забыть. А теперь я вынужден просить вас покинуть парк. Я и так злоупотребил своим положением, что провел в места, для публики категорически закрытые. Живите поколе

в Официантском корпусе, где вас поселил Федосеев. Как только все будет готово, Стопроценко найдет вас и передаст все, что нужно.

Императорский рай Александрии закончился и они вернулись в обычный обывательский ад. Снаружи, за воротами парка, все также припекало солнце, давила грудь сырая духота, а вдоль ограды вокруг Александрии гарцевали вооруженные револьверами конвойные архангелы Михаила в высоких папах и алых черкесках, охраняя рай от непрошенных гостей.

– Ну и влипли мы! – Артемий Иванович обессиленно прислонился к оградной решетке. – Вот это номер! Это что ж такое будет-то? Вот достукался я с тобой, Степан! Царского наследника убивать послали.

Тут он испуганно ахнул и захлопнул рукой рот.

– То есть, охранять, охранять, Степан, да! Ох, хочу в попугаи податься. Где здесь в попугаи прошение принимают? Нет, ты видал? Семечки ему чистят, сидит, воду из кофейника пьет, шутки шутит! И ничего ему за это не будет. Степан! А?

– Не будет? – ядовито сказал поляк. – Ты посмотри, как он быстро сообразил-то – не будет. В клетку захотел?

Артемий Иванович ойкнул.

– Напрасно я поставил шишку пану Артемию поленом, – сказал Фаберовский. – Потребно мне было ударить его колуном. Тогда меня выслали бы до какого-нибудь отдаленного улуca, с которого даже Черевин не смог бы меня вытягать.

Глава 3

Ландезен

11 июля

Из-за прижимистости императора даже обеды гофмаршальского стола, не говоря уже о том, что приводилось есть в Официантском корпусе Артемию Ивановичу и Фаберовскому, с точки зрения обеспеченной благополучности были отвратны, но для тех, кому пришлось зимовать в Якутске и ходить этапом по Владимирскому тракту, обеды эти казались в полном смысле царскими. Бывшие ссыльные отъедались за целый год лишений, а Владимиров украдкой от поляка даже подьедал у других остатки трапезы. Но вскоре этим пиршествам пришел конец. В Официантский корпус явился Стопроценко и, вручив Фаберовскому и Артемию Ивановичу новенькие паспорта, заграничные и обычные, передал повеление Черевина в тот же день незаметно для Федосеева и его людей убраться из Петергофа.

Поляк с Владимировым расстались на Балтийском вокзале, пожелав друг другу на прощание, чтобы Черевин отказался от своей бредовой идеи, и Фаберовский, в тайне надеясь больше никогда Артемия Ивановича не видеть или хотя бы отдохнуть от него до сентября, двинулся на Варшавский, чтобы купить билеты на парижский поезд.

И вот он уже плывет на пароме, берега Франции остались за кормой и впереди его ждет Англия, а что ждет его в Англии, он не знал. Полтора года назад они с Владимировым сбежали в Бельгию, нарушив запрет полиции покидать пределы Лондона, и с тех пор он не имел никаких известий о том, что происходило в оставленном им доме в его отсутствие. Чтобы защититься от своего самого опасного врага доктора Гилбарта Смита, который единственный видел настоящего Потрошителя вместе с Фаберовским и через своего пациента, начальника Департамента уголовных расследований Скотланд-Ярда, навел полицию на его след, поляку пришлось довести дело практически до венчания с дочерью Смита Пенелопой и составить брачный контракт таким образом, что в случае смерти Фаберовского от естественных причин все его имущество для лучшего распоряжения должно было перейти к доктору Смиту сроком на пять лет при условии должного содержания вдовы, равно как и в случае безвременной кончины Фаберовского до церковного венчания. Возможно, когда поляк приедет, его так и не состоявшаяся жена будет жить со своим новым мужем в его доме или вообще этот дом уже продан с молотка. Было лишь одно соображение, гневшее поляка – все свои дела он сможет улаживать без вмешательства Владимирова.

После поездок в трюмах арестантских барж Фаберовский не мог заставить себя еще раз спуститься в трюм и поэтому, несмотря на малость отпущенных ему Черевиним подъемных, взял билеты не в третий класс, а место в каюте второго класса. Однако и здесь, в тесной каютке, пахнувшей дешевыми духами и вареной колбасой, ему было неуютно и он решил подняться на палубу.

Преследуемый поднимавшимся снизу из третьего класса запахом бедности, он миновал по трапу коридор с первоклассными каютами, встретивший его ароматами дорогих духов, сигар, доносящимися откуда-то звуками оркестра и будоражащими аппетит запахами хорошей кухни. Наверху уже не пахло ничем, свежий морской ветерок гнал легкие облака по небу и трепал на флагштоке синекрасный английский флаг, прозванный остряками «кровь и кишки». Вокруг быстро шедшего парохода, плавно качавшегося на длинной волне, кружили чайки, будоража напряженные нервы поляка своими криками.

Пройдя на корму, Фаберовский уселся на деревянной скамейке в переменчивой тени от густого черного дыма, шедшего из трубы парохода, и положил рядом с собой кипу куплен-

ных еще в Париже русских и французских газет. Однако вскоре здесь собралась пестрая толпа, пожелавшая взирать на удаляющийся французский берег. Немецкое семейство, состоявшее из толстого папаша, настоящего бюргера с пивным брюхом и традиционными шрамами на лице от давних студенческих дуэлей, его жены, похожей на разваренную картофелину, и двух пухлых белокурых дочек, встало прямо напротив него и отец семейства, указывая пальцем, похожим на колбаску, прямо на поляка, поучительно сказал:

– Дас ист ди берюмте французише малер, майн либер тохтер! Импрессионизмус!

Фаберовский не знал немецкого языка, но понял, что из-за купленного им в Париже поношенного и когда-то дорогого сюртука, а также шляпы с широкими обвисшими полями, облагораживавшей его страшные космы, немец принял поляка за французского художника-импрессиониста.

– Майн фрау и майн эээ... дочки... – немец задумался, пытаясь подобрать французское слово. – Фотографирен... фотографироваться с вами... У вас мы за это будем покупать ваша картина также.

Поляк встал, собрал свои газеты, сложил пальцы в кукиш и спросил, сунув его под нос папаше:

– Отгадайте, пан: какой палец средний?

– Вы есть невоспитанный малер! – возмутился бюргер, но поляк уже шел на нос, откуда ему должны были открыться меловые скалы Дувра, и присмотрел скамейку, на которой сидел одинокий плешивый брюнет, чей безукоризненный костюм не вязался с его несколько растерянным видом. Фаберовский рассеянно взглянул на него, сел на другой конец скамейки и, сменив новые, еще непривычные очки на старые, с веревочной петелькой, которую надо было прилаживать на ухо, развернул «Новое Время».

– И давно ли вы из России? – с резким еврейским акцентом внезапно спросил сосед по скамейке и подвинулся ближе.

Фаберовский бросил косой взгляд на соседа, лицо которого показалось ему знакомым. Сосед был тщательно выбрит и на его загорелом лице явственно выделялась тонкая полоска на верхней губе на месте сбритых усов. Поляк не сомневался, что это лицо откуда-то из его до якутского прошлого, но то возбуждение, которое овладевало им все сильнее с каждой милей, приближавшей его к английскому берегу, мешало ему собраться с мыслями.

– Не подскажите ли мне, где лучше остановиться в Лондоне? – спросил еврей, вставив в рот сигару и обхватывая ее толстыми красными губами. – Я знаю в Лондоне только «Королевский отель» Де Кейзера у моста Блэкфрайрз и отель Клариджа на Брук-стрит, но в последнем мне не очень чтобы нравится, там живет эта старая connasse Новикова. Эти разведенные психопатки так утомительны! – томно проговорил он, выпуская две струи дыма из ноздрей.

Упоминание об отеле Клариджа и о Новиковой поразило поляка. Рядом с ним сидел Мишель Ландезен, один из лучших агентов Рачковского, человек, который полтора года назад пытался убить Фаберовского, заложив в подвал его собственного дома на Эбби-роуд в Сент-Джонс-Вуде два пуда динамита. И только благодаря Артемию Ивановичу, который, сам того не желая, нарушил все планы Ландезена, они остались живы. Первой мыслью поляка было развернуться и дать Ландезену в морду. Эту безумную мысль тут же сменила другая – какие длинные руки все-таки у Рачковского!

«Песья кровь пан Артемий! – подумал поляк, – А ведь вместе столько в Якутске вынесли!»

Две молодых англичанки перешли с кормы на нос парома, чтобы через подзорную трубу взглянуть на уже наметившийся на горизонте меловые утесы Дувра.

– И таки как мне нравится новая мода! – оживился Ландезен. – Еще два год назад под этим турнюрор разве определишь, какой у бабы зад! А сейчас сразу видно! Вот посмот-

рите, – он интимным жестом дотронулся до колена Фаберовского и кивнул на дам. – Та, что справа – доска доской! А теперь взгляните на тот розан слева!

Тут есть около чего походить! Я англичанок не очень люблю, я употреблял женщин всех национальностей и должен вам сказать, – Ландезен протянул руку с сигарой и стряхнул пепел за борт, – в постели нет никого, лучше евреек! Мой отец Мойша Геккельман был потомственным почетным гражданином города Пинска, и я тоже мог бы быть потомственным гражданином этого славного городка, покупать селедку по три копейки и резать на пять частей, и продавать по копейке. Моих денег мне вполне хватило бы, чтоб до конца не знать отказа у пинских женщин! Но мне пришлось уехать в Петербург...

– Пану следовало остаться в Пинске, – подал голос Фаберовский, пытаясь сообразить, чем грозила ему встреча с доверенным агентом Рачковского.

– Но мне же надо было делать карьеру! На доходы горного инженера я смог бы покупать таких женщин, каких вы не найдете в Пинске! Но боже мой, что за столица! Мне не хватало не только на женщин, но даже на еду! «Cherchez la femme!»⁷ – сказал мне полковник Судейкин, когда его агент выследил меня у одной народоволки. Все глупости из-за женщин. Но что я мог поделаться? Где еще столько евреек, кроме революции? Только в рублевых заведениях, а на них у меня не было денег...

Фаберовскому было не по себе от этой встречи. Может быть Рачковский, проведая про планы Федосеева, Селиверстова и Секеринского, решил на этот раз все-таки избавиться от поляка, как от опасного свидетеля?

– Идти под суд за связь с народоволками я не хотел, а отказаться от женщин не мог, – продолжал увлеченно тарыхтеть еврей. – И что мне оставалось делать? С легкой руки полковника Судейкина я стал агентом Петербургского охранного отделения и теперь мог употреблять нигилисток с жандармского благословения.

«Может мне надо заманить его вниз и пристукнуть где-нибудь в уборной? – думал Фаберовский, смотря на холеное лицо Ландезена. – Или столкнуть его за борт? Но нет, на палубе слишком много народу. Это сразу заметят и выловят его из воды.»

– Какая божественная грудь! – подпрыгнул вдруг Ландезен и указал тросточкой на жену того самого бюргера, пришедшую с кормы. – Подержаться бы за нее руками!

Он встал и семенящей походкой опытного ловеласа сделал около немки полукруг и, встав на безопасном расстоянии, заговорил с ней. Поляку не было слышно слов, но по тому, как та решительно сжала ручку своего солнечного зонтика и Ландезен сделал шаг назад, становилось очевидным, что первый приступ не увенчался успехом.

«Если меня сейчас и убьет кто-нибудь, то уж не этот хлыщ, – решил Фаберовский. – Возможно, с ним на пароходе плывет еще кто-нибудь, кого я не знаю.»

Ландезен тем временем не оставлял своих попыток найти кратчайший путь к пышному бюсту облюбованной им дамы и поляк, воспользовавшись его отсутствием, взял французскую газету. Фаберовскому бросилась в глаза статейка, посвященная вынесенному пять дней назад Парижским судом исправительной полиции приговору по делу об изготовлении русскими бомбистами разрывных снарядов. Сразу найдя глазами фамилии обвиняемых, поляк с изумлением обнаружил в списке осужденных Ландезена. Семь человек получили по три года тюремного заключения и отправлены в тюрьму Ля Рокет, а Ландезен заочно, как не найденный полицией, приговаривался к пяти годам. Так вот причина того, почему Ландезен едет на пароме, сббив усы!

«Я был несправедлив к пану Артемию! – подумал Фаберовский, откладывая газету. – Но теперь я рассчитаюсь с этим жидом!»

⁷ (франц.) Ищите женщину!

– Dreck mit pfeffer!⁸ – выругался Ландезен, возвращаясь на скамейку. – Какая-то шикса, а возомнила о себе невесть что!

– Что, не получилось? – ехидно спросил Фаберовский.

– На этих немок нужно слишком много времени, – посетовал Ландезен. – С ними надо вздыхать, говорить о любви... Мне больше нечего делать, кроме вздыхать! Француженка бы из простого любопытства пошла со мной в каюту!

– В случае пана, на мой погляд, потребно приложить все усилия, и даже игнорировать ее мужа, который вместе с двумя своими дочками в любой момент может прийти сюда с кормы. Ибо пять лет сурового воздержания будут пану Ландезену тяжелы.

Сигара выпала изо рта Ландезена и, задержавшись по пути вниз на его шелковой жилетке, прожгла дыру.

– Foutre! – вскричал еврей и в ярости вышвырнул сигару за борт.

– Кто вы?!

– Как же угораздило пана схлопотать пять лет?! От нас с паном Артемием Рачковский хотел избавиться, выслав до Якутску, а пана Ландезена, то значит, он решил сховат в тюрьме Ля Рокет... Но пан Ландезен спрытный, он убежал... Ай-яй-яй, как нехорошо.

– Фаберовский! – взвыл Ландезен, узнав поляка. – Я полагал, что вы в Сибири!

– Как видите – нет. Может, пан угостит меня в честь нашего повидания?

Ландезен обречено кивнул и они направились в буфет.

– Поведайте, пан, а куда Рачковский дел наших ирландцев после того, как его люди взяли нас на шхуне по приходе до Остенде? – спросил Фаберовский, пока они за столиком ждали стюарда.

– Да никуда они не девались! До сих пор ходят к Рачковскому в консульство и клячат обещанные им за Джека Потрошителя 20 тонн динамита...

– Недобрый человек пан Рачковский. Обманул ирландцев, не оборонил пана Ландезена, выслал до Сибири нас с паном Артемием... А ведь мы для него посадили на пост комиссара лондонской Столичной полиции Джеймса Монро.

– Да этого Монро две недели назад отправили в отставку! – махнул рукой Ландезен.

Весть об отставке Монро была скорее утешительной для Фаберовского. Монро знал об их делишках с Джеком Потрошителем и ирландцами практически все, кроме того он сам приложил к ним руку и до тех пор, пока он находился на посту комиссара, они с Артемием Ивановичем всегда были нежелательными свидетелями для комиссара. Теперь же Монро не надо было бояться за свое место, а поляку – за свою жизнь.

– Я разумею, это вместо пана Ландезена французский министр внутренних дел Констан получил от царя Анну? – спросил Фаберовский, не давая еврею передышки. – Какая несправедливость! Как дорого стал пану Рачковскому этот процесс?

– Я ссудил бомбистам в общей сложности около десять тысяч франков, выданных мне Рачковским, за что был благодарно избран кассиром кружка.

– О такой должности можно только мечтать! Пан не одолжит мне немного денег? А то у меня осталось только на телеграммы до Парижу, до газет и в Сюртэ, до мсье Горона о бегстве пана Ландезена на этом пароме от французского правосудия.

– А много ли вам надо, мсье?

– Это зависит от того, останется пан Ландезен в Лондоне или двинется дальше, не задерживаясь.

– Двинусь дальше.

– Тогда оставьте себе денег на билет.

– А если останусь в Лондоне?

⁸ (евр.) Дерьмо с перцем.

– То еще лучшей. Я порекомендую пану каморку под лестницей в Уайтчепле на Брейди-стрит, прямо напротив старого еврейского кладбища. Она выйдет дешевле, чем билет на паром или погребение на действующем еврейском кладбище.

– У меня нет денег, – с тоской в голосе ответил Ландезен.

– Давайте посмотрим. Выворачивайте карманы. И дайте мне портмоне.

– Десяти фунтов довольно?

– Пятьдесят.

– Двадцать.

– Сорок. Не жмотьтесь, пан Ландезен.

– Тридцать.

– Нет, мсье, больше я не уступлю ни пенни.

– Тридцать пять.

– Добже, – согласился поляк и протянул руку.

Ландезен достал пухлый бумажник и, не раскрывая его, долго ковырялся внутри пальцами.

– Что же пан Ландезен теперь собирается делать? – спросил Фаберовский, убирая деньги.

– Представляете, как я был поражен, прочитав в газетах, что суд не только приговорил бомбистов к трем годам тюрьмы, но и меня заочно к пяти годам тюремного заключения! Я объявил своим знакомым, что уезжаю на несколько дней, чтобы по возвращении реабилитировать себя от возведенного на меня бомбистами обвинения, и бросился к Рачковскому. На что Петр Иванович спокойно ответил, что мне не остается ничего иного, как навсегда исчезнуть.

Фаберовский невесело усмехнулся. Рачковский, похоже, любил, чтобы исполнители его планов бесследно исчезали. Но не всегда это ему удается и у них с Артемием Ивановичем он еще попляшет!

Ландезен заметил усмешку поляка и сказал:

– Через несколько дней Ландезен исчезнет точно также, как когда-то исчез Авраам-Аарон Мойшевич Геккельман. Возникнет какой-то другой человек в каком-то другом месте, может быть даже женится и обретет покой, но вы уже ничего не будете знать об этом.

Он умолк и поляку показалось, что чайки, то и дело пикировавшие к поверхности воды за куском брошенного им хлеба, взлетая, над кем-то из них злорадно смеются, но не мог понять, над кем именно. Иногда еврей поворачивал голову к Фаберовскому, словно хотел что-то сказать, однако так ничего и не сказал. Высадившись в Дувре и сев в одно купе, они молча проделали путь до вокзала Ватерлоо, где поезд расформировали, прежде чем развезти вагоны на разные лондонские вокзалы на левый берег Темзы. Когда кондуктор дал свисток к отправлению, Ландезен встал, открыл дверь купе и сказал, прежде чем спрыгнуть с подножки вагона на поплывший назад перрон:

– Вы только не обижайтесь, Фаберовский, но вы дурак. Когда я сел рядом с вами, я вас не узнал. И вы могли добраться к себе домой и жить там в тишине и покое, никем не тревожимые. Но вы польстились на мои тридцать пять фунтов и уже сегодня вечером Рачковский будет знать, что вы объявились в Лондоне. Он давно уже забыл про вас и вашего приятеля, но теперь вы опять станете представлять для него угрозу и он сотрет вас с лица земли.

Глава 4

Возвращение

12–13 июля

Оказавшись в Лондоне, первым делом Фаберовский отправился на Стрэнд, 283, где полтора года назад находилось его детективное агентство, порученное им перед самым бегством своему помощнику, частному детективу Батчелору. Но домохозяин сказал, что мистер Батчелор еще полтора года назад закрыл все дела, продал мебель и съехал, но куда именно – неизвестно. Найти следы Батчелора ему не удалось, и он направился в библиотеку Британского музея, где взялся просматривать подшивки газет за конец ноября–декабрь 1888 года, пытаясь найти, не вызвало ли их бегство какой-нибудь интерес в Лондоне.

Никаких намеков на то, что полиция заинтересовалась их исчезновением, он не нашел, зато в «Дейли телеграф» от 20 декабря в отделе объявлений обнаружил следующее:

«Мисс Пенелопа Смит, 9 Эбби-роуд, Сент-Джонс-Вуд, просит всех, кто знает что-либо о шхуне «Флундер» (шкипер Хант) и судьбе пассажиров, известить ее. Вознаграждение 10 фунтов».

В «Морнинг Шиппинг лист», «Шиппинг энд Меркантайл газетт» и в «Фишинг газетт» он нашел сообщения о бесследном исчезновении во время шторма 27 ноября 1888 года в Немецком море нескольких рыболовных судов, в том числе шхуны «Флундер» вместе с капитаном и всей командой.

А это означало, что для Пенелопы и доктора Смита он тоже погиб и давно съеден крабами. Чтобы собраться с духом, к своему бывшему дому на Эбби-роуд он отправился пешком. Фаберовский находился в районе Риджентс-парка, уже стемнело и фонарщики зажигали фонари, когда поляка застигла гроза и хлынул настоящий ливень.

Ветер хлестал струями дождя ему в лицо. Очки поляк снял. Добравшись до Эбби-роуд, Фаберовский остановился у своей калитки, перед которой образовалась большая рыжая от навоза лужа, на поверхности которой вспухали и лопались дождевые пузыри. В окнах дома ярко горел свет, освещая мокрую листву росших в саду каштанов. Даже сквозь плотно закрытые окна на улицу доносились звуки вальса. Черные человеческие тени танцевали на занавесках.

Сзади раздалось приглушенное цоканье копыт и за пеленой дождя в темноте возникли два желтых глаза карбидных фонарей. Поляк отступил в сторону и напротив калитки остановился фаэтон с поднятым верхом, из которого выбралась наружу мужская фигура в резиновом макинтоше и цилиндре, раскрыла зонт и помогла спуститься в лужу второй, на этот раз уже женской, фигуре. Обе фигуры проследовали в дом и по походке Фаберовский узнал в мужчине самого неприятного и настырного жениха Пенелопы, ученика доктора Смита, доктора Энтони Гримбла. Экипаж развернулся и уехал, а вместо него из дождя вынырнул двухколесный хэнсомский кэб и тоже остановился у калитки. Распахнув дверцы и откинув полость, на мостовую соскочил мужчина в совершенно мокрому спереди лейтенантском мундире.

– Эй, ты, – с фамильярностью, показывавшей, что этот офицер, скорее всего, состоит в колониальной службе, окликнул Фаберовского лейтенант. – Что ты здесь околачиваешься? Фаберовский видел один раз этого лейтенанта в доме у доктора Смита. Звали его Каннингем и тогда он показался поляку вполне приличным человеком.

Поляк шагнул вперед и оказался в свете фонарей. Он хотел сказать: «Я Стивен Фейберовский, хозяин этого дома», как вдруг вспомнил, что он, возможно, совсем и не хозяин этого дома.

– Я художник, – сказал он, – приехал сегодня утром из Парижа к своему приятелю Джону Макхуэртеру, – поляк показал зонтиком на соседний дом. – Но его почему-то нет.

В доме Макхуэртера тоже горел свет, из раскрытых окон доносились музыка, звон посуды и женские визги, но кэб закрывал от Каннингема этот дом и поэтому лейтенант поверил поляку.

– Так вы, значит, умеете рисовать?! – спросил он. – Вы не баталист? Знавал я одного художника-баталиста. Он неплохо рисовал всякие картинки, пока ему на учениях не оторвало голову.

– Увы, я всего лишь импрессионист, – скромно сказал Фаберовский.

– Это которые изводят краски на всякую мазню? А портрет вы можете нарисовать? Только чтоб было похоже.

Поляк вспомнил якутские художества Артемия Ивановича и, взвесив все, решительно сказал:

– Выйдет лучше оригинала.

– Тогда пойдемте со мной. Вы нарисуете мне сейчас портрет моей невесты.

Лейтенант явно был сильно пьян.

– Но у меня с собой нет ни красок, ни холста.

– Это не страшно, – лейтенант хлопнул поляка по спине. – Гримбл подарил Пенелопе роскошный альбом и акварельные краски, но кроме него самого и нескольких девиц туда никто ничего не записывал и не рисовал, так что там полно места. Каннингем распахнул калитку и пригласил Фаберовского войти. Поляк перешагнул канаву поперек дорожки, в которой булькала вода, водопадами низвергавшаяся из водосточных желобов, и вступил на знакомое крыльцо. Лейтенант постучал в дверь, она растворилась и на пороге появился рыжий Батчелор, взглянув на пришедших сверху вниз.

– Вот, Батчелор, – сказал Каннингем. – Я привел художника. Он нарисует портрет твоей хозяйки.

Присутствие Батчелора в доме удивило Фаберовского. Ничего не связывало рыжего сыщика ни с Пенелопой, ни с доктором Смитом, и как он оказался здесь, было непонятно.

Батчелор посторонился и Фаберовский прошел в дом. В коридоре, как и в прежние времена, было совершенно темно, но, с грохотом споткнувшись, поляк нащупал обрубок пальмы в кадке, в котором с горечью узнал любимую пальму Артемия Ивановича.

«Где-то сейчас пан Артемий? – подумал поляк и у него защемило в груди от вдруг осознанного им одиночества. – Тоже валяется бесхозный и неприкаянный, как эта пальма?»

На шум из гостиной вышла Пенелопа.

– Что там у вас, Батчелор?

– Пришел лейтенант Каннингем, – сообщил слуга.

Фаберовский стоял перед Пенелопой вымокший, с сюртука и со шляпы стекала на пол вода, в ботинках отвратительно хлопало.

– Проходите, лейтенант, – сказала Пенелопа, ничем не выдавая, что узнала его. – Мы вас с нетерпением ждем.

Она ушла, а поляк ощутил, что сердце колотится в груди, словно шатун паровой машины. Как он сейчас жалел, что на нем не было очков и он не мог рассмотреть, надето ли все еще на руке Пенелопы кольцо, купленное им когда-то за пять фунтов и подаренное ей в знак их помолвки!

– Что с вами, сэр? – спросил Каннингем.

– Вероятно, я простудился, – сипло ответил Фаберовский. – Я промок под дождем насквозь.

– Пойдите в гардероб, снимите там сюртук. А я пока попрошу Батчелора найти вам что-нибудь переодеться.

Оставшись один, Фаберовский вошел в кладовую, служившую теперь гардеробом, и поразился, какое количество плащей и пальто было навалено кучей на принесенную сюда из столовой кушетку. Уже в коридоре ощущалось, что многое в доме изменилось. Было сильно накурено, чего никогда не случалось, даже когда Артемий Иванович ночами сидел под пальмой. Лестницу, ведущую наверх, украшал ковер. Однако из кухни в кладовую тянулся поразительно знакомый запах: жарили гуся – точно такой же запах всегда наполнял этот дом, когда затевала готовить гуся Розмари, дочь погибшего компаньона Фаберовского, которую он пригрел после смерти ее отца.

Вернулся Батчелор и принес одежду. Когда Фаберовский надел сухую рубашку и свой старый, так давно не ношенный им сюртук, его едва не прошибла слеза. Переложив в карман мокрого сюртука очки, которые он решил не надевать, опасаясь, как бы они не запотели, Фаберовский прошел на кухню. Он собирался повесить там где-нибудь просушить сырую одежду. Батчелор, убедившись, что гость двинулся в правильном направлении, возвратился в гостиную.

Прежде чем войти, Фаберовский заглянул внутрь и удостоверился, что кухарка у плиты одна. Одного взгляда на нее было достаточно поляку, чтобы узнать Розмари. На ней был все тот же белоснежный фартук и платье, которое Фаберовский хорошо помнил, так как оно было подарено Розмари ее отцом незадолго до гибели. Когда поляк уезжал, Розмари выглядела еще совсем ребенком, теперь же она раздалась в бедрах и в груди, но лицо ее осунулось и приобрело болезненный и усталый вид.

– Рози, ты меня не узнаешь? – спросил поляк, воспользовавшись отсутствием посторонних.

– Нет, не узнаю, – ответила Розмари, не оборачиваясь. – Если вы сейчас не уйдете отсюда, так и знайте – я позову мужа. Фаберовский понял, что уже не один из женихов Пенелопы, отвлекаясь от ухода, заглядывал на кухню с игривыми намерениями.

– Уверю, мне и в голову не приходило к тебе приставать, – сказал он, достал очки и нацепил их на нос. – А так ты меня узнаешь?

Розмари отвлеклась от стряпни и мельком взглянула на поляка:

– Так вы похожи на покойного мистера Фаберовского. Фаберовский вздохнул и спрятал очки обратно в карман. И тут вдруг большая медная сковорода выпала из рук кухарки и с грохотом ударилась об пол.

Всхлипнув, Розмари кинулась к поляку и спрятала лицо у него на груди.

– Боже, это вы, мистер Фейберовский! – бормотала она, глотая слезы. – Не могу в это поверить!

– Ну, Рози, не разводи сырость, я только что переоделся, – утешал ее поляк, глядя рукой по голове. – И не пересуши гуся.

– Почему вы так поздно приехали? На людях она появляется уже без вашего кольца, хотя дома все еще надевает его. Мне кажется, что хозяйка уже решила выйти замуж за Каннингема, потому что он неплохой парень и увезет ее из Лондона от всех этих женихов, от ее отца и мачехи.

– Ну, это мы еще посмотрим, – сказал Фаберовский, чувствуя, как все у него внутри закипает от охватившей его ревности.

О, ревность, чудовище с зелеными глазами! Еще на пароходе он воспринимал свою бывшую невесту как что-то совершенно отвлеченное, никак не связанное с его реальной жизнью. Когда он думал о ней, ему становилось странно, что раньше он мог испытывать какие-то чувства к ней и даже ревновать ее к Артемию Ивановичу. И вдруг зеленоглазый монстр ожил и мертвой хваткой вцепился в него, не давая вздохнуть. Прибранный к рукам доктором Смитом дом еще можно было вернуть, но с чего он решил, что Пенелопа будет рада его появлению через полтора года после того, как он так внезапно исчез, подвергнув ее такому позору?

Почему он решил, что имеет какие-то права на нее, когда ничем, кроме кольца за пять фунтов, она ему не обязана?

И вот тут Фаберовский почувствовал себя по настоящему скверно. Бешеная ревность к женихам и ненависть к доктору Смиту охватила его, и это как-то отразилось в его лице, так что Розмари испуганно отступила от него на шаг. На грохот сковородки в кухню прибежал Батчелор.

– Джо, это же мистер Фейберовский! – сказала Розмари, поворачивая к мужу счастливое заплаканное лицо.

Когда Фаберовский, оставлявший на полу мокрые следы своих хлюпающих ботинок, с Батчелором появились в гостиной, последнему пришлось опустить взгляд, чтобы не выдать присутствующим своей радости. Он довольно потирал руки и иногда, забывшись, бил кулаком в ладонь.

– Так ты когда-нибудь решишься выйти за кого-нибудь из этих оболтусов замуж? – донесся до поляка знакомый голос доктора Смита, говорившего так громко, что перекрывал шум разговоров и его слышали все находившиеся в гостиной.

– Не знаю отец, ведь у меня уже был жених! – отвечала Пенелопа.

– Твоего жениха давно сожрали рыбы в Немецком море!

– Это вы, отец, своими беспочвенными подозрениями убили его. Это вы безо всяких на то оснований, огульно обвинили Стивена в том, что он Джек Потрошитель. Может, вы и сейчас, после убийств, совершенных настоящим Потрошителем на Пиншин-стрит и на Коммершл-стрит в прошлом году, станете обвинять его в этом? Фаберовский криво усмехнулся и оглядел гостиную. Все здесь было теперь не так. Паркет был так надраен, что в нем отражалась люстра с пятью газовыми рожками. Всюду в вазах стояли цветы, принесенные, по видимому, женихами. Стены были оклеены новыми бумажными обоями и завешены разнообразными гобеленами с изображением медвежьей охоты, олеографиями медведей и даже гравюрами Гюстава Дорэ, изображавшими приключения барона Мюнхгаузена в России. Из старой мебели остались только два дивана-честерфилда углом да фортепьяно «Джона Бродвуда и Сыновей», зато гостиную заполнили венские стулья. У окна стоял столик гнутого дерева, на который была водружена аспидистра в глиняном горшке. На полу около камина лежала шкура громадного белого медведя с оскаленной пастью, которая напоминала зевающего Артемия Ивановича. От этого поляк, и без того разозленный видом захваченного дома, совершенно взбесился. Трясущей рукой полез он в карман, нащупывая там очки, чтобы как следует разглядеть присутствующих.

Прямо напротив него, справа от камина, восседал в качалке мрачный доктор Смит с бокалом кларета, не отрывая взора от вина и даже не подняв головы при входе поляка. Доктора мучил страх за свой дом на Харли-стрит, который он вынужден был оставить сегодня вечером ради этого дурацкого сборища.

Накануне комиссар Столичной полиции Бредфорд сообщил особой повесткой всем домохозяевам в Вест-Энде, чтобы в связи с волнениями среди полицейских и возможным отказом констеблей нести ночное дежурство они заблаговременно заперли вечером двери домов для ограждения себя от покушений со стороны воров. Одновременно распространился слух, что правительство для ограждения спокойствия и порядка обратилась к войскам, которые однако, отказались нести полицейскую службу.

Позади аспидистры под боком у доктора Смита сидел на венском стуле Проджер, частный сыщик, которого Смит нанимал для слежки за Фаберовским полтора года назад. Доктор хотел сперва на именно на Проджера возложить охрану дома этим вечером, но потом побоялся, что из-за отсутствия констеблей на улице может подвергнуться нападению уличных грабителей, и взял Проджера с собой.

Эстер, молодая жена доктора Смита, ерзала на вращающемся табурете у пианино, а стоявший у нее за спиной Каннингем изо всех сил фальшивил под ее аккомпанемент. На том месте, где раньше стояла у окна любимая пальма Артемия Ивановича, теперь под аспидистрой сидела в инвалидной коляске старая дама и вместе с пристроившейся рядом на стуле такой же старой мужеподобной леди в сером платье вышивала что-то на пяльцах. Сама Пенелопа стояла по другую сторону от доктора, положив руку на каминную полку. На диване сидела незнакомая Фаберовскому леди, окруженная двумя любезными кавалерами, низколобым джентльменом со сло-манным носом и ангелоподобным юношей в светлых кудряшках. Доктор Гримбл, сидевший на втором диване рядом со своей дамой достаточно непривлекательного вида, тем не менее пристально следил за каждым движением Пенелопы. Прежде чем пройти дальше, Фаберовский попросил Батчелора представить его присутствующим, и Батчелор охотно согласился.

– В инвалидной коляске сидит миссис Триппер, – зашептал он на ухо поляку, – всю свою сознательную жизнь свято оберегавшая свою девичью честь, за что была прозвана поклонниками Гонореей⁹. Она вышла замуж за мистера Триппера совсем недавно, он последний из доживших до настоящего времени ее женихов и уже никак не может покуситься на ее девство. Рядом сидит мисс Гризли, тоже старая дева, не вышедшая замуж по причине благоговейного ужаса, который она вызывала своими размерами и повадками у потенциальных женихов. Она тайно обожает доктора Смита, который когда-то предлагал ей свою руку и которому она тогда отказала. Вон там, у пианино один из женихов мисс Пенелопы, лейтенант Каннингем из 2-го батальона Ирландских королевских стрелков. В прошлом году его батальон перевели из Индии в Египет, а в этом он выслужил отпуск, почему и решил обзавестись семьей.

– Я видел этого лейтенанта на обеде у доктора Смита вместе с его отцом, полковником Каннингемом, полтора года назад.

– Тот курчавый молодой человек с ангельским выражением лица – ординатор лечебницы доктора Пекхема. Он увлекается антропологической системой Бертильона и теорией Ломброзо, и пытается очаровать мисс Пенелопу, предлагая обмерить ее всю с ног до головы, чтобы доказать, что она не относится к прирожденным проституткам, как постоянно твердит доктор Смит. А вон тот низколобый мужчина – третий жених мисс Смит, ее приятель по клубу фехтовальщиков и известный среди любителей спорта боксер. С ним нам придется повозиться.

– А доктор Гримбл, он что, больше не добивается руки Пенелопы?

– Фаберовский перевел взгляд на доктора Гримбла.

С тех пор как он видел того в последний раз, Гримбл несколько изменился. В его лице появилась какая-то нервность, но он остался все таким же щеголем, и монокль блеснул у него в дергающемся глазу, когда он смотрел на кого-нибудь. Сидевшая рядом с ним худая, костлявая девица со следами оспы на длинном некрасивом лице с глупым видом подтягивала сползавшие нитяные перчатки на своих больших нескладных руках. Жесткие рыжие волосы она завila, но вместо романтических локонов получилось нечто вроде вороньего гнезда или мотка спутанной ржавой колючей проволоки.

– Он явно оказывает знаки внимания той страшной девице, с которой он приехал сюда.

– Это его младшая сестра. Он вывозит ее в свет в надежде выдать замуж. Это довольно трудно, особенно в связи с тем, что она заикается после одного случая, когда еще в детстве он напугал ее, подложив ей в кровать свиные потроха, которые стащил с кухни. Каннингем, как увидел ее, так сразу заорал: «Бомбейский Монстр, Бомбейский Монстр!»

– Странное имя для девушки.

– Она с мамашей ездила на Рождество в Индию искать жениха, там ее так и прозвали – Бомбейский Монстр.

– А это кто такая, между боксером и ординатором?

⁹ Нопог (англ.) – честь.

– Это компаньонка мисс Пенелопы, сэр, по имени Барбара Какссон. Вскоре после вашего отъезда полковник Каннингем рекомендовал мисс Какссон доктору Смигу как отличную гувернантку, сумевшую выдрессировать детей его товарища полковника Маннингема-Буллера, но оставшуюся не у дел после трагической смерти последнего. Доктор Смит приставил ее к своей дочери в обмен на разрешение ей держать при себе в этом доме меня и мою жену Розмари.

– Позвольте представить, леди и джентльмены, – сказал Каннингем, прекращая петь, и Эстер, не отрывая пальцев от клавиш, повернулась на табуретке, чтобы взглянуть на пришедшего. – Модный французский художник, мистер... ээ...

– Ренуар, мсье, – подсказал поляк, выходя на середину гостиной.

– Мсье Огюст Ренуар к вашим услугам.

Эстер перестала третировать фортепьяно и в гостиной на мгновение стало тише.

– Ренуар?! – удивилась Пенелопа.

– Так, мадемуазель, меня зовут Огюст Ренуар. И этот достойный джентльмен у пианино попросил меня оказать вам честь написать ваш портрет.

– Да-да, Пенелопа, мистер Ренуар готов нарисовать ваш портрет и ему нужны только краски и ваш альбом.

– Барбара, – обратилась Пенелопа к мисс Какссон. – Принесите мне из спальни альбом, подаренный доктором Гримблом. Компаньонка поднялась с дивана и удалилась, а Фаберовский решительно прошел к камину и сел на череп медведя, – Батчелор, что вы встали как вкопанный, принесите нам промочить горло.

И тут по тому, как сжались ее губы, как жалобно хрустнул китайский веер у нее в руке, Фаберовский ощутил, в каком напряжении находится Пенелопа. Девушка не только узнала поляка, она была потрясена этим и в первое мгновение все ее усилия были направлены на то, чтобы не выдать своих чувств. Уже потом ее охватила паника, она не знала, как ей поступать и с какими намерениями вернулся с того света ее жених. Упавшим голосом Пенелопа попросила Каннингема проводить ее к дивану и села между боксером и кудрявым антропологом. Поляк знал, что сейчас за ними пристально наблюдает, по крайней мере, половина присутствующих, как и Пенелопа, узнавших его и гадающих, что теперь будет. Все эти люди дорого бы дали, чтобы он и в самом деле умер. Но тут в гостиную вошел Батчелор с подносом в руках, на котором стояли, позванивая друг о друга хрустальными боками, бокалы с кларетом. Каннингем взял один, и поляк немедленно последовал его примеру. Ощувив на губах терпковатый вкус вина, Фаберовский подумал, что надо будет попросить Батчелора принести ему еще. Для куражу.

– Леди и джентльмены! – обратился ко всем лейтенант, поднимая свой бокал. – Выпьем за великую силу искусства. За все время, что я знаю мисс Пенелопу, еще никто не сумел рассердить ее по-настоящему. А теперь танцы!

Эстер освободила место у «Бродвуда» мисс Какссон, которая считалась мастером по части выколачивания танцевальных мелодий из этого несчастного расстроенного инструмента. Пробежав пальцами по клавишам, компаньонка с воодушевлением заиграла. Звуки «Конькобежцев» Вальдтейфеля заполнили гостиную, Фаберовский взял у Батчелора последний оставшийся на подносе бокал и сел на диван.

– Мисс Пенелопа, разрешить пригласить вас на танец, – сказал Каннингем, подходя к девушке и склоняя перед ней голову.

– Нет, лейтенант, – ответила та, искоса взглянув на сидевшего в двух шагах от нее поляка. – В следующий раз. Сейчас мне хотелось бы посидеть.

Каннингем еще раз кивнул и предложил танец Эстер. Та не стала артачиться.

Покрутив головой во все стороны и поняв, что его сестру опять никто не желает приглашать, доктор Гримбл взял на себя эту нелегкую обязанность и вместе с ней вышел в центр гостиной, чтобы присоединится в вальсе к лейтенанту, танцующему с женой доктора Смита.

– Мисс Пенелопа, – сказал ординатор лечебницы доктора Пекхема. – Взгляните на этого Ренуара повнимательней. Совокупность признаков данного индивидуума изобличает в нем натуру грубую и невоспитанную, склонную к эпатажу и разного рода выходкам. Посмотрите: он сутул, хотя и пытается это скрыть, у него глубоко сидящие глаза, все строение его скелета выдает в нем возможного преступника...

– Вот вы и ошибаетесь, – бросила на ходу Эстер, которую Каннингем вел в это время в вальсе мимо сидевших на диване. – Я сейчас как раз изучаю лепку в Национальной Школе Обучения Искусствам в Южном Кенсингтоне, мы лепим живые модели. Мистер Лантери по договоренности с полицией берет натурщиков среди арестованных бродяг и среди обитателей работного дома на Марлиз-роуд, это дешевле. Вот где настоящие злодеи! Настоящие Квазимодо, когда с них снимают все их тряпье! Кто их только рождает! Наверное, какие-нибудь гулящие девки. Она не успела больше ничего сказать, потому что Каннингем увлек свою партнершу в другой конец гостиной.

– Это правда, что если обмерить проститутку согласно системе Бертильона, то размеры ее тела будут отличаться от таких же размеров у обычных женщин? – поинтересовался у поклонника Бертильона и Ломброзо поляк, воспользовавшись темой, предложенной миссис Смит.

– Обмерить в каком месте? – переспросил боксер.

Танец закончился и кавалеры вернули своих дам на диваны. Дамы тяжело дышали, они раскраснелись и обмахивались веерами. Фаберовский наклонился к уху боксера и что-то прошептал, не обращая внимания на задохнувшуюся от негодования Пенелопу.

– Ага, – сказал боксер удовлетворенно. – Я так и думал. Сколько я знал в своей жизни проституток, все они имели очень большие...

– Боже! – закрыла лицо руками Эстер.

– Ну, хватит! – воскликнула Пенелопа, краснея.

– Но дорогая мисс Пенелопа, я кажется не позволил себе ничего такого, – стал оправдываться боксер. – Я только говорил, что у гулящих женщин всегда очень большие мочки ушей.

– Неужели вы думаете, что я могу отдать свою руку человеку, который ссылается на свой большой опыт в общении с известного рода особами?

Фаберовский понял, что боксер выведен из игры, и переключил внимание на кудрявого антрополога.

– Нет, нет, вы все напутали, мистер Ренуар, – сказал тот. – Теорию о проститутках развил не мистер Бертильон, а мистер Ломброзо. Он говорил о так называемых антропологических стигматах, признаках, позволяющих отличить преступника от обычного человека.

– Неужели вы тот самый Огюст Ренуар, про которого нам прожужжал все уши мистер Лантери? – растерянно спросила Эстер. – Я представляла вас совсем другим. Не таким диким, что ли.

– Мы, художники, всегда дикие. В этом мы похожи на русских и поляков. Женщинам это должно нравиться.

– А что вы можете сказать о мистере Ренуаре, исходя из положений теории Ломброзо? – спросила Пенелопа, с гневом глядя на Фейберовского.

– Видите ли, мисс Пенелопа, наблюдая и измеряя различные особенности преступников, такие как размер и форму черепа, мозг, уши, нос, цвет волос, почерк и чувствительность кожи, татуировки и психические свойства, профессор Ломброзо пришел к выводу, что в преступном человеке живут, в силу закона о наследственности, психофизические особенности отдельных предков.

– У меня есть татуировка на заднице, – сказал боксер, хотя от него уже ничего не требовали.

– Покажите ее мне! – загорелся антрополог. – Я проводил собственные исследования в Лондонском госпитале, выводя коэффициент отношения и расстояния от... до... у проституток Восточного Лондона, и вывел, что такой коэффициент отличен от тех, что мне удалось получить в борделях Западного Лондона.

– При чем тут моя татуировка! – возмутился боксер. – И расстояние у шлюх от... до...

Тут боксер сказал такое, что даже Фаберовский смутился. Эстер нервно затеребила оборки своего платья.

В гостиной воцарилась тишина, было слышно, как жужжит муха в столовой и доктор Смит, глядя на Фаберовского, бормочет под нос:

«Лучше я сдохну, чем допущу это!» Потом лейтенант Каннингем рассмеялся:

– Бог мой, вы не служили slučajем в Индии? Ваша речь так напоминает мне полковые офицерские вечера у нас в бунгало, который мы снимали на шестерых! Давайте еще станцуем!

– Мне так нравится этот лейтенант, – сказала миссис Триппер своей подруге. – Он напоминает мне моего мужа в молодости, когда я с ним еще не познакомилась. Ему было тогда всего пятьдесят лет и он командовал похоронной командой в Бирме...

Какссон заиграла следующий вальс, но даже он не смог заглушить слов, которые сказал сам себе доктор Смит:

– Нет! Вы видели где-нибудь еще такое хамство? Мало им, что воры того и гляди ограбят мой личный дом, так еще разные покойники хотят меня лишить этих владений!

Пенелопа резко встала и подошла к Каннингему.

– Лейтенант, может, вы пригласите меня?

– С удовольствием.

Какссон еще громче заиграла и Каннингем закружил Пенелопу. У Какссон действительно неплохо получались вальсы, и даже Проджер рискнул выйти из своего укрытия за аспидистрой и пригласить на вальс Эстер.

– А почему вы, милочка, не идете танцевать? – спросила старая Триппер у своей приятельницы, стоявшей позади ее коляски.

– Танцевать? – воскликнула Гризли. – С этими молодыми нахалами, для которых девичья честь и скромность – пустой звук? Если бы я и пошла с кем-нибудь тут танцевать, то только с доктором Смитом. Я не постеснялась бы даже его жены, которая готова танцевать с любым, кто только пригласит ее, как какая-нибудь гулящая и распутная женщина!

Сгорая от ревности, Фаберовский последил несколько минут за Пенелопой, кружившейся в вальсе с лейтенантом, затем решительно пересел на диван рядом с Гримблом.

– Скажите, мистер э-э-э...

– Доктор Энтони Гримбл, к вашим услугам, – презрительно ответил Гримбл.

– Доктор Гримбл, а вы разбираетесь в искусстве?

– Нет, б-б-брат не разб-б-бирается, – сказала, отчаянно борясь с заиканием, сестра Гримбла. – А я очень п-п-почитаю х-ху-ху-ху... Больше всего Гримбла раздражало в сестре то, что когда она с умным видом начинала что-то говорить, все вокруг замолкали, чтобы посмотреть, справится ли она с заиканием, дабы произвести на свет очередную глупость.

– ...Ху-ху-художников. *Artes molliunt mores* – искусства смягчают нравы. – Сестра торопилась высказать все, что она заучила из сборника «Изречений и афоризмов на все случаи жизни для маленьких леди и джентльменов», зная, что брат не даст ей долго разглагольствовать. – Искусство наведения ск-к-куки – это желание ск-к-казать все. Искусство т-требует жертв. П-п-п-п-п-пролетарии всех стран – соединяйтесь. Брови Фаберовского удивленно взлетели вверх.

– Искусство – это п-п-поиск б-б-б-б-б-бесполезного, – поправила Клар.

– Я тоже считаю, что искусство хорошо для бездельников, – подхватил Гримбл. – А когда человеку приходится в поте лица трудиться, чтобы обеспечить семье приличное существование, ему некогда интересоваться всякой мазней. Даже в слуге морга, который гримирует трупы, прежде чем уложить в гроб, больше толку, чем от Макхуэртера.

– Но Энтони, ху-ху-ху-художники служат возвышенным д-д-добродетелям!

– Художники, Клара, прикрываются высокопарными фразами, а сами служат откровенному разврату. Они под любым предлогом норовят раздеть женщину, чтобы поглазеть на нее, а потом нарисуют какую-нибудь мазню и вроде дело шито-крыто.

– Вы, доктора, даете нам в этом фору, – заметил Фаберовский.

– Да много ли вы знаете о докторах! – взвизгнул доктор Гримбл.

– Чтобы пощадить скромность порядочных женщин, мы вынуждены осматривать их в темноте и отвернувшись.

– Представляю, что вы там вытворяете в темноте. Мы, художники, по крайней мере делаем это открыто.

– А я х-х-хочу выйти замуж за х-х-художника! – вмешалась сестра Гримбла и с воодушевлением воззрилась на поляка.

– Вам не нужна жена, мистер Ренуар? – издевательски спросил у Фаберовского Гримбл. – При нынешней распущенности среди молодежи она девственница, могу вам это гарантировать как врач.

– Это и так видно. И давно она девственница? Я хотел сказать, давно ли вы выдаете ее замуж? За себя я ее не возьму, но по сходной цене мог бы написать ее портрет и вы рассылали бы его потенциальным женихам.

– В г-г-голом виде? – испугалась мисс Гримбл.

– Заткнись, Клара! Я готов прямо тут, публично раздеть тебя, если бы был уверен, что кто-нибудь позарится.

– Энтони, ч-ч-что т-ты т-т-такое г-г-говоришь!

– Я говорю, что потратил на то, чтобы сплавить тебя с рук, столько денег, сколько не стоит все твоё приданое!

– А что, велико ли приданое? – опять спросил Фаберовский.

– Да какое там приданое! Было бы приданое, я бы давно ее выдал замуж! Один раз мне удалось подцепить для нее мелкого банковского клерка, которому нечем было оплатить за лечение. Я поил его джином целый месяц, мне даже пришлось занимать денег у доктора Смита, прежде чем я сумел уговорить его взять Клару замуж. Но не мог же я допустить, чтобы жених пьяным, как лорд предстал перед алтарем. Он протрезвел и сбежал прямо из-под венца.

– Какой негодяй!

– Д-да, он д-д-даже не сказал мне ни одного с-слова любви!

– Дура! Дура! Дура! Дура! – замахал руками Гримбл. – Когда ты перестанешь меня позорить! Я стараюсь, ищу для себя женихов, а они бегут из-под венца, как крысы с тонущего корабля! И ты пальцем не шелохнешь, чтобы удержать их! Стоит тебе открыть рот, и все мои труды пропадают прахом!

Танцующие остановились, а Гримбл продолжал кричать, тыча пальцем в Пенелопу:

– Что за время такое ужасное, в котором мы живем! Сперва какой-нибудь негодяй едва не доводит девушку до постели, затем скрывается, пока все ждут его в церкви, а потом униженным родственникам приходится устраивать ей собачьи свадьбы, на которых порядочным людям всучивают испорченный товар, утверждая, будто это лучшая и самая порядочная невеста в Лондоне!

Доктор Гримбл умолк и обнаружил, что указывает рукой прямо на хозяйку, которая, не снимая правой руки с плеча лейтенанта, стояла посреди гостиной и смотрела на Гримбла.

– Прощу прощения, Пенни, я вовсе не намекал на вас, – сказала он тоном ниже.

– Вы прямо указывали на меня пальцем, Гримбл, – ледяным тоном ответила Пенелопа. – Какие уж тут намеки!

– Послушайте, Ренуяр, может быть вы все-таки нарисуете портрет мисс Пенелопы? – окликнул Фаберовского Каннингем. – Ну, пусть она будет хотя бы в одетом виде. Какая в сущности разница? Тот, кому она достанется, будет рассматривать остальное потом до самой своей смерти, до омерзения, можно сказать.

– Так-так, конечно, – Фаберовский поднялся с дивана и подошел к лейтенанту – Может быть, хватит?! – с вызовом спросила Пенелопа у поляка.

– Как вам будет угодно, мадемуазель, – склонился перед ней Фаберовский.

В гостиную опять вошел Батчелор с подносом, неся для мужчин бокалы с вином, а для дам меренги в виде небольших колечек, на которые сверху были поставлены шарики мороженого. В столовой загремела тарелками Розмари, накрывая стол для обеда. Словно откликаясь на этот шум, гости оживленно завозили носами, втягивая донесшийся из столовой запах гуса.

– Вы знаете, Ренуяр, бедняга Гримбл кое в чем прав, – сказал Каннингем, убедившись, что Пенелопа отошла достаточно далеко, и потер нос, в котором щекотало от вкусного аромата. – Реноме мисс Смит действительно несколько подмочено. С ней случилось именно то, что он сказал. У ней завелся женишок, какой-то поляк с сомнительной репутацией. Я видел его однажды на обеде у доктора Смита, неплохой парень, но он связался с каким-то русским, из-за которого, говорят, у него возникли неприятности с полицией и ему пришлось сбежать накануне венчания. Вон там, видите, веснушчатый медноволосый валлиец. Это частный детектив Мелвин Проджер. По просьбе доктора Смита он следил одно время за женишком, а потом установил, что тот утонул в Канале на «Флундере». Кстати, ходили слухи, что русский, о котором я упоминал, подпортил и невесту, но точно это сможет подтвердить или опровергнуть только тот, кто на мисс Пенелопе женится. А еще из-за этого русского тронулась умом жена доктора Смита. Это она завесила этот дом картинками с медведями.

– Если мисс Пенелопа такой порченный товар, почему же вы оказались среди ее женихов? – мрачно спросил Фаберовский.

– Я уехал из Индии, как у нас говорили, «пустым», то есть без жены. Хотя перед рождеством в Бомбее каждый год высаживался целый «рыболовный флот» из девушек и их компаньонов, ищущих себе женихов, но всем им нужны были лишь «черные сердца», богатые холостяки из старших офицеров. Пенелопа же девушка состоятельная, и довольна красива. А что касается ее прошлого, то мы с ней скоро уедем в Египет, в Каир, где никто не будет знать об этом. Мне пошла бы даже сестра Гримбла, хотя Сфинкс в Гизе с отбитым мамелюкскими ядрами носом кажется симпатичней ее. Но Сфинкс спит сам по себе, а мне пришлось бы спать вместе с ней. Вы знаете, вода в Ниле очень илистая и феллахи, чтобы сделать ее прозрачной, намазывают кувшины изнутри особой графитной пастой, которая осаждает ил. Если сравнить «Бомбейского монстра» с нильской водой, доктору Гримблу придется дать ей в приданое слишком много такой пасты.

– Я узнал вас, мистер Фейберовский, – вдруг громко сказал Проджер, только что проводивший после танца на место свою даму.

– Как только вы вошли. Если вы хотели сохранить свое инкогнито, вам надо было лучше гримироваться. Леди и джентльмены, хочу вам представить: мистер Фейберовский.

– Да что же за дьявол наслал на нас такую порчу! – гневно взревел доктор Гримбл, вскакивая с дивана, и монокль выпал у него из глаза, закачавшись на шнурке около причинного места. – Убирайся, пока тебя не выкинули отсюда силой, польский ублюдок!

– И, подойдя к поляку, Гримбл грубо толкнул Фаберовского в грудь.

– Вы слишком несдержанны на язык, доктор Гримбл, – заметил стоявший рядом с Фаберовским лейтенант Каннингем. – У нас в Индии за такие слова вас бы просто убили. На вашем месте я бы постеснялся выражаться так хотя бы при дамах.

– Вы, доктор Гримбл, настоящий хам! – поддержала его Эстер.

– Ой, как я люблю, когда мужчины дерутся! – воскликнула миссис Триппер, обращаясь к мисс Гризли. – Милая, там у меня сзади в сумочке лежит лорнет!

– Гримбл, оставьте этого человека в покое, он вам не мешает! – возмущенно воскликнула Эстер, когда доктор очередной раз толкнул поляка.

– Проджер, я не нанимал на этот вечер констебля, понадеявшись на вас, – подал голос доктор Смит. – Выкиньте этого самозванца, иначе я сойду с ума. Я не хочу отдавать ему дом.

– Сколько раз из-за меня выходили на дуэль прекрасные молодые люди, – сказала миссис Триппер, прикладывая к глазу старинный лорнет, – заступаясь за мою девичью честь.

– Я всегда сама защищала свою честь, – сказала мисс Гризли, продемонстрировав подружке увесистый морщинистый кулак. – И не поручала это посторонним мужчинам.

Поляку надоели толчки Гримбла и он в свою очередь тоже толкнул доктора в грудь ладонью.

– Лейтенант, они же сейчас будут драться! – испугалась Эстер.

– Сделайте что-нибудь!

Миссис Триппер потребовала, чтобы ее коляску подкатили поближе к рингу. Влекомая мощной рукою мисс Гризли, она тотчас была доставлена прямо к месту будущего сражения. Лейтенант Каннингем встал между Фаберовским и Гримблом и сказал:

– Не дело вы затеяли, джентльмены. Если у вас чешутся кулаки, выйдите на улицу. Мистер Ренуар, не устраивайте тут драки, я не для этого вас приглашал.

– Послушайте, Каннингем. – Фаберовский постучал лейтенанта костяшкой пальца по лбу. – Я такой же Ренуар, как вы – писсуар.

– Во, черт побери! – восхитился Каннингем, оглядывая всех кругом. – Мне кажется, мы с вами сможем поладить, мистер Незнаю-как-вас-там. Вы самый остроумный человек из всех, что мне встретились пока в Лондоне.

– Если моя плоская шутка пришлась вам так по душе, лейтенант, то вы, вероятно, общались только с доктором Смитом и присутствующими здесь женихами.

– Но нет, почему же! – возразил Каннингем. – Я еще целую неделю по приезде не вылезал из борделя.

При этом он галантно поклонился Пенелопе. Пенелопа в ярости выхватила из вазы на каминной полке букет роз и хлестнула им молодого офицера по лицу.

– Ну вот, теперь у нас началось настоящее веселье! – радостно закричал Каннингем, вытирая платком исцарапанное шипами лицо.

– Давайте еще раз спляшем и поедem гулять!

– Ну что, Пенни, доигралась в любовь? Ты такая же шлюха, как и твоя мать, и твоя мачеха! – доктор Смит ткнул пальцем в сторону своей жены. – Да, не смотри на меня так, имуществу твоего бывшего жениха по закону принадлежит мне, и я желаю прожить здесь один! Не могу больше терпеть рядом твою сумасшедшую мачеху, каждый день упивающуюся пуще всякого пьяницы хлоридином¹⁰ якобы для облегчения болей или вызывания сна, и устраивающую здесь на стенах иконостасы из дешевых картинок с медведями!

Эстер побагровела от стыда и негодования, так что стоявший рядом лейтенант Каннингем отодвинулся подальше к камину, чтобы о нем не подумали ничего плохого.

¹⁰ Хлоридин – смесь морфия, индийской конопли и хлороформа или эфира с прибавлением синильной кислоты, перечной мяты, патоки и воды.

– Вы знаете, доктор Смит, – прервал он разошедшегося доктора, – хотя я даже написал о своем сватовстве отцу в Нубию, но при таких обстоятельствах женитесь-ка сами на своей дочери.

– Какой вопрос! – воскликнул Гримбл. – Вопросы не существует. Пенелопа выйдет замуж за меня.

– Сейчас я раскровеню вам лицо, Ренуар! – с внезапной горячностью воскликнул боксер, подскакивая на диване и вставая в стойку.

– Милочка, – донесся из инвалидной коляски голос миссис Триппер. – Подвезите меня поближе, они опять собираются драться.

– Должен сказать вам, доктор Смит, – блеющим голосом произнес с дивана курчавый приверженец системы Бертильона. – Я более чем уверен, что если обмерить члены тел всех членов вашего семейства, можно будет вывести закономерность о наследственной порочности, присущей всем вам.

– Вон! – заверещал доктор Смит, указывая жениху на дверь.

– Мне хотелось бы прекратить эту комедию, – возвысил голос Фаберовский, перекрыв все другие голоса в гостиной. Он пристроил на привычное место очки и взял из камина кочергу. – Разве мистер Проджер невнятно объяснил вам, что я – мистер Фаберовский? Значит, этот дом мой и только я имею право распоряжаться здесь.

– Боже мой, какой пассаж! Так вы не Ренуар! – нарушил тишину лейтенант. – Ужас-то какой! Я так много слышал о вас, мистер Фейберовский, и об убийствах, которые вы совершали в Уайтчепле! Ума не приложу, как вас могли принять за покойника! От вас, конечно, воняет, но значительно сильнее, чем от трупа, и совсем не так. Рад был познакомиться.

– Мне тоже приятно познакомиться с вами, лейтенант. У вас так здорово получалось расстреливать сипаев.

– В пятьдесят восьмом я еще срал в пеленки, когда наши подавили Большой бунт сипаев!

– А я колол дрова в Сибири, когда Потрошитель продолжал резать женщин в Уайтчепле!

Внезапно доктор Гримбл издал нечеловеческий крик и бросился на Фаберовского с кулаками. Не дожидаясь сигнала поляка, Батчелор отшвырнул поднос, с криком «Ура!!!» перехватил доктора, вцепившись своей рыжей громадной лапой в штаны и, подняв, швырнул его в окно над головой мисс Триппер. Доктор Гримбл в водопаде разбившегося стекла рухнул на запущенную цветочную клумбу. Фаберовский тут же двинул в ухо Проджеру. Батчелор немедленно двинул валлийцу в другое и тот как срезанный сноп повалился на пол.

Перед Батчелором в классической стойке, выставив плечо вперед и наклонив низколобую голову, возник боксер. В своем кругу он считался совсем неплохим спортсменом и Батчелору, возможно, пришлось бы туго, но Фаберовский совсем неджентльменским приемом ударил боксера по голове кочергой, вызвав звук, похожий на звон пожарного била.

– Мне пора пить слабительное, – сказал доктор Смит, машинально достав из жилетки часы. Тут уж Батчелор не упустил открывшейся возможности и сжал боксера сзади с такой силой, что кости у того жалобно захрустели. Донеся боксера до двери, Батчелор, не разжимая объятий, стукнул его пару раз головой о косяк и выкинул на улицу.

– Кто бы мог подумать, что за внешностью французского художника скрывается такой замечательный экземпляр... – приближение Фаберовского заставило курчавого любителя антропологии умолкнуть и поспешно ретироваться следом за двумя первыми женихами, не дожидаясь насильственного выдворения.

– А теперь, дорогие гости! – Фаберовский громко хлопнул в ладоши. – Все в экипажи! Так-так, и вы, на колясочке, тоже!

– Да как вы смеете говорить мне такое в доме доктора Смита! – возмутилась миссис Триппер.

– Зашей свою дырку нитками, старая калоша! – оборвал ее Батчелор, выкатывая инвалидную коляску прочь из гостиной.

– Лейтенант Каннингем, вы не останетесь с нами, чтобы отпраздновать мое возвращение? – спросил Фаберовский у лейтенанта, уже собравшегося уходить.

– С удовольствием.

– А вас, доктор Смит, попрошу навсегда покинуть этот дом. Доктор Смит наконец пришел в себя, глаза его засверкали и расслабленное состояние кончилось. Он снова обрел цель в жизни.

– Я еще вернусь, мистер Фейберовский, и тогда вы пожалеете об этом.

– Мы с Пенелопой не смели и надеяться снова увидеть вас, – сказала Эстер, когда ее муж ушел.

И тут Пенелопа, повалившись на диван, разрыдалась в голос. Барбара Какссон бросилась к ней с утешениями, а лейтенант недоуменно переминался рядом, не зная, чего ему делать.

– Я тоже не надеялся вернуться, – сказал Фаберовский, отворачиваясь к камину, чтобы не глядеть на рыдающую Пенелопу.

– Но коль уж одно чудо произошло, может быть вы переведете мне послание мистера Гурина, которое я получила перед тем, как вы оба так внезапно исчезли?

Эстер достала из-за корсета аккуратно сложенный и перевязанный розовой ленточкой гостиничный счет, на обратной стороне которого поляк прочел следующее: «Дорогая Асенька!

Покидая Аглицкия пределы, сохраняю в своей душе живопробужденный и незатухлый огонь возвышенной страсти, возбужденной незабвенной рукою прекрасной особы, память о каковой сохраняю вечно и непременно прибуду! Твой вечно Артемий Гурин.»

Слеза навернулась на глаза Фаберовскому. Он уже отвык от того, что Артемия Ивановича Владимирова здесь, в Англии, звали Гуриным, но от этого письма на него вдруг повеяло чем-то родным и близким.

– Что там написано? – спросила Эстер, замирая.

– Обещает прибыть.

– Так он жив?!

– Еще как! Только о встрече с вами и грезит! – сказал Фаберовский и заглянул в столовую.

Здесь в углу на стуле сидела, опустив руки, Розмари, и печально глядела на накрытый стол, ломившийся от блюд, к которым даже никто не притронулся. Поляк улыбнулся ей и, отломив корочку хлеба, отправил ее в рот.

– Скажите, Эстер, – обратился он к миссис Смит, заметив, что она проследовала за ним, – а что случилось с моими часами? В них еще заедала кукушка.

– Их уничтожил мой муж. Он сказал, что они слишком напоминают ему моего милого Гурина.

– Чем же именно мои часы напоминали ему Гурина? Гирями, которые он из них выдрал, кукушкой, которая стала от этого заедать или крышей, которая едва держится?

– Да, Гурин был сильным мужчиной, – подтвердила Эстер. – Как медведь.

– А куда делась моя мебель?

– Разве можно, Стивен, жить в окружении такого старья, словно в антикварной лавке?! Мы с доктором Смитом купили Пенелопе новую, модную мебель, чтобы ей не стыдно было принимать у себя гостей. А старую мы велели Батчелору и Розмари отнести в бывший ваш кабинет, пока не придет оценщик. Мебель не бог весть какая и много за нее старьевщики не дадут, но за эти деньги можно будет заменить диваны в гостиной. Да еще эти книги, от них столько пыли...

– В кабинет, говорите? А что вы еще отнесли ко мне в кабинет?

– Доктор Смит велел стащить туда всю рухлядь, которая напоминала о вас, все эти старые картины, никому не нужные книги и фотографии.

Фаберовский отстранил Эстер с прохода, вошел в гостиную и по винтовой лестнице поднялся к себе в кабинет. Кабинет напомнил ему чердак какого-нибудь старинного особняка, где столетиями скапливался всякий ненужный хлам. Все, что находилось там, было покрыто толстым серым покрывалом пыли. Он подошел к столу и, смахнув с него рукавом пыль, взял вынутый из рамки фотопортрет своего отца.

– А где рамка отсюда? – крикнул он показавшейся из лестничного проема над полом голове Эстер.

– А, это... – Эстер небрежно махнула рукой. – Пойдемте ко мне в спальню, я вам покажу. Нет-нет, через дверь вы не пройдете, она закрыта снаружи, потому что сюда никто не ходит. Фаберовскому пришлось опять спуститься по винтовой лестнице в гостиную, где на диване обессилено всхлипывала Пенелопа, и подняться на второй этаж уже по парадной лестнице.

– Я сделала из этой рамки премилую вещицу, – сказала Эстер, открывая дверь в одну из спален.

Царственным жестом она пригласила поляка и указала ему на туалетный столик, где рядом с огромным медным самоваром стояла фотография Артемия Ивановича на фоне знакомого уже Фаберовскому готического вокзала в Новом Петергофе. Верхний уголок фотографии, вставленной в рамку из-под портрета Фаберовского-старшего, был повязан черной траурной ленточкой.

– Мой милый жив, мой милый жив, – пропела Эстер, пританцовывая, подбежала к фотографии и, оставив на стекле мокрый отпечаток своих губ, сняла ленточку. Она протянула портрет поляку и очень удивилась, что тот не поцеловал фотографию, как она ожидала. Вместо этого Фаберовский освободил рамку от ее содержимого, и бросив карточку на пол, повернулся и ушел открывать кабинет.

– Но постойте, что вы делаете! – закричала Эстер, бросаясь за ним следом.

– Начинаю очищать свой дом от вашего дерьма.

Эстер замерла, хватая ртом воздух и не могла произнести ни слова в ответ. Фаберовский ногой вышиб замок в двери кабинета и исчез за нею.

– Пенни! – взывала Эстер так, словно ей только что из-за портьеры явилось привидение, и бросилась вниз в гостиную. – Пенни, он хочет все выбросить! Все, все, что я с таким трудом выбрала и уговорила доктора Смита купить для тебя, он хочет выбросить! И аспидистры, и венские стулья, и все эти произведения искусств! Я не удивлюсь даже, если он начнет срывать мои чудные обои со стен!

– Что ты голосишь, Эсси, – оборвала ее уже пришедшая в себя Пенелопа. – Ты застраховала все в русском страховом обществе «Якорь». Они возместят тебе весь ущерб.

– Вместо того, чтобы поддержать меня, ты еще и издеваешься! Они не возмещают ущерб от вернувшихся покойников! Ты, наверное, сама готова выкинуть все, что с таким трудом собрала здесь за эти два года! А все потому, что ты никогда не любила Гурина! Ты всегда ненавидела его! Потому что он побрезговал тобой тогда в Гайд-парке!

И Эстер, бросившись лицом на соседний диван, в голос зарыдала.

– Барбара, дайте миссис Смит воды, – сказала Пенелопа, вставая и оправляя на себе платье.

– Пойдите, сполосните лицо под холодной водой, Пенелопа, – посоветовал ей Фаберовский, спустившийся вниз, чтобы взглянуть, что происходит между его бывшей невестой и ее мачехой. – В конце концов, Розмари приготовила отличнейшего гуся, и мы многое потеряем в этой жизни, если он остынет. Батчелор, присоединяйся к нам, потом нам с тобой предстоит перетащить всю мою мебель из кабинета на свои места.

– Только не шкуру! – мгновенно перестав рыдать, выкрикнула Эстер. – Она напоминает мне о милом Гурине!

– Купите лучше себе живого медведя, – сказал поляк и вошел в столовую.

Здесь еще пахло прежними гостями и он распахнул дверь на выходящую в сад террасу, откуда в столовую ворвался свежий после дождя воздух. Он вышел на террасу, посмотрел в сторону соседнего дома и остолбенел. За обрушившимся забором, отгораживавшим прежде его сад от соседнего, не было ничего. Не веря своим глазам, он спустился в сад и подошел к стене.

Действительно, вместо соседского дома, который он так привык видеть из окон столовой, в земле зияла огромная черная яма.

– Этот дом взорвался вскоре после твоего отъезда, Стивен, – раздался с террасы голос Пенелопы.

Фаберовский вспомнил, что, убегая на континент, они в спешке зарыли в соседском саду чемодан с динамитом, которым Ландезен пытался взорвать их накануне.

– После твоего отъезда, Стивен, этот дом разлетелся в щепки, как и моя жизнь.

– Конечно, я выродок и сатана, – не сдержался Фаберовский. – А вы, мисс Пенелопа, святая, как ангел. Он не видел лица Пенелопы, которая лишь темным силуэтом выделялась на фоне ярко освещенного окна в столовой, но почувствовал, что его слова задела девушку.

– Но коли вам так хочется, я уйду, и пропадите вы все пропадом! Только не забудьте, мисс Смит, что вы должны мне десять фунтов за сообщенные сведения о вашем женихе.

– Оставляйтесь у себя дома, мистер Фейберовский, я еду следом за отцом, – ледяным тоном, в котором чувствовалось даже какая-то ирония, сказал Пенелопа. – Барбара, возьмите у меня в спальне мою сумочку. Лейтенант, вы проводите меня?

Девушка покинула террасу и когда поляк вернулся из сада в дом, то услышал, как в коридоре Каннингем говорит ей что-то, помогая одеться.

– И не забудьте забрать с собой эту свихнувшуюся стерву вместе с ее медведями! – в остервенении крикнул Фаберовский им вслед.

Глава 5

14–15 июля

Квартира заведующего Заграничной агентурой Петра Ивановича Рачковского сильно изменилась. В столовой появилась горка с дорогим фарфором, булевское бюро и в кабинете – золотой письменный прибор, заменивший обычную бронзовую чернильницу. Но все так же окна были зашторены тяжелыми, почти непроницаемыми для света занавесками. Из-за этих штор в квартире постоянно царил полумрак, в котором ярким пятном светилась лампада у католического распятия на стене, отражавшаяся в стекле, прикрывающем портрет французского президента Лубэ с дарственной надписью. У Рачковского с женой даже появилась горничная-француженка, которая стойко сносила как приставания Петра Ивановича, так и постоянно горевшие у нее на лице следы от когтей его супруги.

Рачковский стал другим человеком. Он исподволь трудился, пытаясь завоевать доверие императора Александра III, завести связи при дворе и стать влиятельным человеком в отношениях между Францией и Россией. И это ему, наконец, стало удаваться. Но вдруг все, чего он добился, оказалось под угрозой и могло рухнуть, как карточный домик. Дурацкая история, безумный план, который он затеял два года назад и который так бесславно провалился. Несмотря на истерию вокруг убийств, совершенных Джеком Потрошителем, ни один русский нигилист так и не был выслан из Лондона, Джеймс Монро, назначенный комиссаром Столичной полиции не без помощи русских, недавно отправлен в отставку, и вообще эта история не принесла совершенно никаких дивидендов. Он уже стал забывать о ней, как забывается утром дурной сон, когда давно прошедший кошмар сам напомнил о себе.

Рачковский подошел к окну и слегка отдернул тяжелую штору, так, чтобы дневной свет падал на телеграмму, которую он держал в руках.

– Послушайте, господа, – сказал он двум своим гостям, – что я сейчас вам прочитаю.

Гостями были двое сотрудников Заграничной агентуры, оба из наружного наблюдения. Один, бывший околоточный, чухонец Продеус, был настоящим русским богатырем: косая сажень в плечах, огромные кулаки и голова с оттопыренными ушами, которые делали ее похожей на медный пивной котел с двумя ручками. Второй казался полной противоположностью ему. Это был Анри Бинт, француз, один из старейших агентов, завербованный еще во времена Святой Дружины, сразу после убийства Александра II в марте 1881 года. Он был невысок, плотен и необычайно экспансивен, каким бывают только маленькие толстячки. Холеные полные руки и напомаженные усы, за которыми он тщательно ухаживал, показывали, что Бинт очень любил себя.

– Эту телеграмму я получил от Аркадия Гартинга, – сказал Рачковский. – Так теперь называется наш Ландезен. Он устроился в Бельгии и сменил фамилию. Так вот, Гартинг пишет: «На пароме встретил Фаберовского, возвращавшегося в Лондон».

– Это какой Фаберовский? – спросил Продеус. – Это которого я в Остенде с английской шхуны полудохлого вместе с Гуриным снимал?

– Да, это тот самый Фаберовский. И его, и Гурина я упрятал в Сибири, полагая, что больше никогда не увижу и не услышу о них. Однако я, похоже, ошибся. Видимо, они сумели бежать из Якутска.

– Но ведь это невозможно! – воскликнул Продеус.

– До того, как ты сбежал из психушки в Шарантоне, считалось, что оттуда тоже невозможно бежать. Да будет тебе известно, что двое из осужденных по делу бомбистов совершили побег из Якутска в прошлом году, после чего оказались в Париже.

– Разве мсье Протеус был заключен в Шарантоне? – боязливо покосился на бывшего околоточного Бинт и придвинулся поближе к Рачковскому.

– Это дурацкий Владимирова посоветовал подменить мною на время в Шарантоне Потрошителя, которого Петр Иванович отправили в Лондон! – обидчиво сказал Протеус, потирая кулаками уши. – Если только Владимирова сюда заявится, я ему шею сверну!

– Но Владимирова не может осуществить никакого побега! – сказал Бинт. – Я хорошо его знаю, мы вместе громили народовольческую типографию в Женеве четыре года назад. Никто его с собой не возьмет, разве что съест в дикой тайге. И откуда у вашего поляка деньги, чтобы добраться до Лондона?

– Тогда это Селиверстов и прочие паразиты из охранки, – сказал Рачковский. – Больше ему взять денег неоткуда. Мне уже плохо от одной мысли о том, что Фаберовского они отпустили, а Владимирова сейчас дает показания в кабинетах Департамента полиции.

Из спальни вышла жена Рачковского с пухлым полторагодовалым мальчиком на руках.

– Пьер! – вызывающе начала она и с надрывом в голосе сказала:

– Маленькому Андре пора спать, а ты тут кричишь, как какой-нибудь сельский кюре, стукнувший себя по пальцу молотком!

– Какой милый мальчуган, – улыбнулся во весь щербатый рот Протеус и сделал своими большими корявыми пальцами Рачковскому-младшему «козу». При виде этих двух заскорузлых грязных бревен, направленных ему прямо в глаза, Андрюша заревел от испуга и Петр Иванович, доведенный до белого каления, заорал в бешенстве на жену:

– Ксения! Заткни этого говнюка чем-нибудь!

Обычно Ксения сама орала на мужа, поэтому она была шокирована такой несдержанностью супруга и гордо удалилась, на ходу стараясь убаюкать кричащего сына.

– Пьер, мне кажется, вы слишком волнуетесь из-за встреченного Ландезеном поляка, – сказал Бинт, проводив ее взглядом. – Разве он так страшен?

– Сам он, может, и не страшен, – ответил Рачковский, все еще тяжело дыша, – а вот то, что он, возможно, оказался в руках Секеринского и его клики, страшно. Два года назад, Анри, я совершил ошибку, возложив одно щекотливое дело на Гурина и Фаберовского. Они должны были выполнить некую черную работу и исчезнуть. Но они, как видите, не исчезли. А за то, чем они по моему плану занимались, по головке нас ни в министерстве, ни в департаменте не погладят. Если все это всплывет на свет, на моей карьере будет поставлен жирный крест, сам я могу угодить в Сибирь, а тот, кто сменит меня на этом посту, может не пожелать возобновлять контракт с вами, Бинт.

– Надо мне было раздавить их еще тогда, в Остенде! – сжал свой огромный кулак Протеус. – Эх, если бы у нас на хвосте не висел Селиверстов!

Петр Иванович нервно покрутил обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки.

– Полагаю, – сказал он, – что если это Селиверстов добился возвращения Фаберовского из Якутска, то появление поляка в Лондоне означает только одно: его послали туда, чтобы поднять шум. Даже если у Секеринского, Селиверстова и компании не хватит сил заставить министра снять меня после наших успехов с бомбистами, они могут лишиться меня возможности находится во Франции и вообще за границей, устроив скандал вокруг Потрошителя.

– Я понял, про какое щекотливое дело вы только что говорили, Пьер, – сказал Бинт. – Но не пугайтесь, я буду нем, как рыба.

Слово чести. Это говорю вам я, Анри Бинт, а не какой-нибудь там Ландезен. А как вам удалось запрятать поляка и Гурина в Сибирь?

Рачковский оглянулся на дверь, ведущую в комнату его жены. Ребенок, как назло, умолк, и ему пришлось наклониться к уху Бинта.

– У меня была одна приятельница, – зашептал он. – Княгиня Радзивилл. Очень красивая дама, мы провели с ней немало приятного времени, когда она приезжала в Париж. Сейчас она живет с начальником царской охраны генералом Черевиным и по моей просьбе уговорила Черевина выслать обоих в Якутск в административном порядке.

– Тогда еще один вопрос. Если я правильно вас понял, Пьер, вы хотите поручить мне разрешение сложившейся опасной ситуации? – спросил Бинт.

– Да, Анри, мне больше не на кого положиться. Из стоящих агентов, кроме вас, у меня был только Ландезен, но теперь он был вынужден покинуть Париж.

– Вы не пожалеете об этом, Пьер. Старый мсье Дантес оказал Российской империи две значительные услуги, за которые благодарная Россия должна была бы поставить ему памятник: он застрелил вашего мерзавца Пушкина и порекомендовал мне поступить на службу в русскую Заграничную агентуру.

– Ну, замолот! – проворчал Продеус. – Павлин французский. Теперь до вечера себе аллилуйю петь будет.

– Вы поручили дело Бинту, Пьер, – сказал француз. – Поэтому можете быть спокойны. Бинт не знает поражений. Первое, что нам необходимо сделать, это отправить Ландезена в Петербург, чтобы он разыскал там княгиню Радзивилл. Возможно, она сможет разъяснить происходящее.

– Проще написать ей письмо, – сказал Продеус.

– Ты уже столько лет работаешь в сыске и не знаешь, что ли, что в России имеют привычку письма из-за границы перлюстрировать? – укорил его Рачковский.

– Надо только предупредить княгиню Радзивилл, что к ней придет от вас человек, – добавил Бинт.

– Опять эта потаскуха Радзивилл, Пьер! – раздался разъяренный визг Ксении и ребенок зашелся плачем. – Я выцарапаю тебе глаза!

– Убирайся к черту, пампукская хрюля! – по-русски выругался Рачковский, когда она, растопырив пальцы с острыми ногтями, ворвалась в гостиную. От его дрожащего в ярости голоса жена примолкла, только сын продолжал испуганно плакать. – Анри, садитесь и пишите Ландезену письмо. Пусть немедленно выезжает из Брюсселя в Петербург. Не забудьте напомнить ему, что если он встретит Гурина, его следует приглубить и обласкать, пообещать пряник и пригрозить кнутом. Мне кажется, что Гурин сразу прибежит обратно ко мне. И пускай непременно передаст княгине Радзивилл мои пламенные поцелуи!

– Простите, Петр Иванович, а кто такая пампукская хрюля? – спросил Продеус.

– Откуда мне знать! – огрызнулся Рачковский. – Что мы будем делать с поляком?

– Фаберовского, я думаю, необходимо запугать, – ответил Бинт.

– Из Лондона до Парижа ближе, чем до Петербурга. Так что Продеусу до него добраться – меньше дня пути.

* * *

Еще издалека Пенелопа заметила черный столб дыма, уходивший прямо в нависшее над Эбби-роуд низкое свинцовое небо. Кэб не спеша вез ее и мисс Барбару Какссон к дому Фаберовского, и по пути она, глядя на этот дым, думала, что вот так же, дымом, развеялись вскоре после бегства поляка ее мечты, что он вернется к ней, как рыцарь Ланселот в сказке, и спасет ее и от тронувшейся мачехи, и от третировавшего ее отца, который непрестанно стал приводить к ней женихов, требуя, чтобы она скорее выходила замуж. Фаберовский вернулся, но его возвращение не принесло ей ни облегчения, ни радости. Наоборот, ей стало во сто крат хуже, чем было.

Чем ближе она подъезжала, тем яснее становилось ей, что дым поднимается над домом Фаберовского. Сперва на ум ей пришла мысль, что он специально поджег свой дом, чтобы сделать ей гадость, а сам уже уехал из Лондона. Но потом она стала беспокоиться, не случилось ли что со Стивеном. После того, как он повывбрасывал из дома ее женихов, у него появилось много недоброжелателей, которые могли захотеть отомстить ему.

– Смотрите, мисс Смит, вашего жениха, кажется, сожгли! – радостно воскликнула Какссон, тоже заметив дым. – Наверное, это кто-нибудь из ваших гостей, с которыми он так не поджентльменски обошелся.

– Стивен сделал то, что следовало бы сделать мне самой, – огрызнулась Пенелопа. – Но надеюсь, что вы рано радуетесь, Барбара.

Выбравшись вместе с Какссон из кэба и расплатившись с извозчиком, она поняла, что дым идет не из дома, и что его источник находится за домом в саду.

– Добрый день, мисс Смит, – подошел к ним почтальон. – На ваш адрес телеграмма для какого-то мистера Фейберовского.

– Вы не знаете, что это за дым? – спросила она, забирая конверт.

– Не знаю, мисс, пожарные уже уехали.

Пенелопа толкнула калитку и поспешила по дорожке к крыльцу дома. Дверь была не заперта, и она вошла внутрь. В доме было непривычно тихо. Она заглянула в гостиную, потом прошла по коридору и проверила кухню. Там никого не было. Пусто было и в столовой. Сверху тоже не доносилось ни звука. Везде, куда бы не падал ее взгляд, был беспорядок. Со стен были содраны любовно развешанные ее мачехой картины и гобелены, несколько сложенных венских стульев горой лежали в столовой у выхода на террасу.

В душу к ней проник ужас.

– На пожар это непохоже, – сказала Какссон. – Наверное, дым произошел из-за кремации трупов где-нибудь в саду. Я бы этому не удивилась. Давайте лучше вызовем полицию.

«Что могло случиться со Стивеном и остальными?» – со страхом подумала Пенелопа, инстинктивно прижимая сумочку к груди, словно та могла защитить ее от неизвестной опасности. Ей захотелось немедленно уйти, но вместо этого она спросила дрожащим голосом:

– Есть тут кто-нибудь? – и добавила робко: – Живой?

Ей никто не ответил и она рискнула войти в столовую. Через полуоткрытую дверь в сад она услышала треск костра и в нос ей ударил запах паленых тряпок.

– Давай, Батчелор, бросай, – слышался из сада решительный голос Фаберовского. – Подумаешь, кресло! Смит часы мои разломал с кукушкой – и то ничего!

И тут Пенелопа разозлилась. Она решительно толкнула стеклянную дверь и вышла на террасу. Батчелор и поляк, в штанах и нижних рубашках, потные и черные от копоти, швыряли в громадный костер разломанную мебель. Кругом по саду и на кустах были разбросаны полубогоревшие литографии с медведями.

– Что вы тут делаете? – воскликнула она.

– Просто варвары какие-то! – поддакнула Какссон, высываясь из-за ее плеча.

– Это ты что тут делаешь, Пенни? – спросил Фаберовский, даже не поворачиваясь, в то время как смущенный своим видом Батчелор отпрыгнул в кусты и окольными путями пробрался в дом.

– Вот видите, Пенни, вы беспокоитесь, не случилось ли что-нибудь с вашим женихом, а в это время он в таком виде вместе со своим слугой жжет в саду костры. Можно подумать, что мы не в цивилизованной Англии в конце просвещенного девятнадцатого столетия, а где-нибудь в Африке среди каннибалов и пигмеев.

– Тебе принесли телеграмму, Стивен, – сказала Пенелопа.

– Брось ее в костер.

– Может быть, ты ее все-таки прочитаешь? Возможно, это мистер Гурин извещает тебя о своем приезде.

Возможность приезда Владимирова шокировала Фаберовского. Его положение и так было сложным, а с приездом Артемия Ивановича оно становилось совсем безнадежным. Он взял у Пенелопы телеграмму и облегченно вздохнул, увидев, что она не распечатана. Значит, слова о приезде Владимирова не более, чем предположение.

– Может быть, и прочитаю, – поляк сунул телеграмму в карман штанов.

Пенелопа пришла сюда для серьезного разговора с поляком об их отношениях, но теперь она сама удивлялась тому, что, разговаривая с Фаберовским, она только ищет повода для скандала.

– Зачем ты сжигаешь мебель? – с вызовом спросила она.

– Первобытное варварство! – кивнула Какссон.

– Это не мебель, – охотно принял этот вызов Фаберовский. – Это набор дешевых гнутых деревяшек. Скажи еще, что я жгу картины, – он подцепил палкой тлеющую раскрашенную олеографию, изображавшую танцующее под дудку странное животное, подпись под которым утверждала, что это медведь на ярмарке.

– Тебе не жалко Эстер, которая вложила во все это столько души?

– Миссис Смит так много сделала для вас, мистер Фейберовский, стремясь воспитать у вас вкус и понятия о приличном, – поддержала ее Какссон, – но из вас никогда не получится даже жалкого подобия настоящего британца.

– Пусть бы она помогала лучше нищим в Ист-Энде! – огрызнулся поляк.

– Мало вы причинили горя, мало вы опозорили благородного доктора Смита, настоящего джентльмена и христианина, мало вам слез и невзгод, выпавших на долю его несчастной дочери после вашего постыдного бегства, – продолжала Какссон, испепеляя взором поляка, – так вы еще, вернувшись, позволяете себе измываться над почтенным семейством Смитов, так много испытавшим из-за вашей подлости и коварства!

– Убери свою шавку, Пенни, – бросил своей невесте Фаберовский. – Не для того я возвратился в Англию, чтобы слушать в своем доме всю эту чушь.

На глазах Пенелопы выступили злые слезы обиды.

– Я пошла на такой позор ради тебя, я приехала даже в церковь, чтобы дать тебе время скрыться из Лондона, а ты не послал мне даже телеграммы, что ты спасся. Лучше бы ты утонул!

– Да, мистер Фейберовский, вам следовало бы утонуть! – объявила мисс Какссон. – Когда тонул крейсер «Блудхаунд», ради спасения находившихся на борту женщин офицеры предпочли вовсе не садиться в шлюпки и с честью погибнуть в пучине. А вы вернулись и еще смеете всем нам указывать, что нам делать, а что нет!

– С вами, мисс Какссон, я вовсе не разговариваю, – сказал поляк.

– Потрудитесь покинуть мой дом.

– Сейчас! Как же! Она приехала со мной и со мной же уедет!

«Боже! – подумала Пенелопа про себя. – Что я такое говорю! Если мы начали говорить таким образом, то чем же мы закончим?»

Фаберовский тоже чувствовал, что разговор идет не туда, и если не успокоить Пенелопу, то она, при подуськивании со стороны Какссон, непременно вцепится ему в глаза.

– Я не мог послать тебе телеграммы! – сдерживаясь, сказал он. – Там нет телеграфа!

– И где же такое место на земле, хотели бы мы знать, где нет телеграфа? – спросила Какссон.

– Я был в Якутске, это в самом центре Сибири.

– И что, в этом Якутске нет телеграфа? – Пенелопа решила говорить как можно спокойнее, но бессовестная ложь Фаберовского привела ее в негодование.

– Нет, телеграф там отсутствует, потому что телеграфная линия доведена только до Омо-
лоя.

Безупречно честные глаза Фаберовского и уверенный искренний тон поляка, которым он
нес всю эту чушь, нервировали ее больше всего.

– Ну так съездил бы в этот Омолой, – сказала она.

– От Якутска до Омолая как отсюда до Петербурга!

– Ну хорошо, там нет телеграфа, – согласилась Пенелопа. – А письмо ты послать мог?

– Кто бы мне разрешил послать оттуда тебе письмо! – взорвался Фаберовский. – А даже
если бы и разрешили, то идет оно оттуда по полгода!

– Боже! Письмо идет полгода! – фыркнула Пенелопа, и картинно всплеснула руками. –
Да за кого ты меня принимаешь, Стивен! Так я и поверила, что ты был в Сибири! И что там
не было телеграфа, и что письмо идет оттуда полгода! Ты был на рудниках? Нет? Тогда чем же
ты занимался там? Только не ври, ради Бога.

– Служил швейцаром в женской гимназии, – сказал Фаберовский и поник.

– Знаешь, Стивен, всю эту чушь про Сибирь ты можешь рассказывать моей мачехе. Эстер
тебе поверит.

– Да, мистер Фейберовский, не следует держать нас за идиотов! – подхватила Какссон. –
В наше время уже нет таких мест, где существует женская гимназия, но нет телеграфа!

– Курвины дочери!

Фаберовский в сердцах схватил медвежью шкуру, которую он приберегал на последний
момент, сомневаясь, стоит ли ее предавать огню, и швырнул ее в костер, отчего сад сразу же
заполнился вонью от паленой шерсти. Затем он вытер очки от пепла, налипшего на стекла, и,
обойдя Пенелопу, пошел наверх, в комнату, служившую иногда спальней Эстер, где та скры-
валась от домогательств доктора Смита.

Распахнув дверь, он увидел Батчелора, прикинувшегося к стеклу.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Подслушиваю, сэр! – ответил Батчелор.

– Пойди отсюда вон!

Фаберовский подошел к кровати и скинул на пол белье, чтобы достать матрас мерзкого
розового цвета с кружавчиками, который безмерно раздражал его. Под матрасом он увидел
половинку листа бристольского картона, на которой свинцовым карандашом была поставлена
в углу подпись Макхуэртера. Заинтересовавшись, поляк взял картонку в руки и на обрат-
ной стороне увидел фривольный рисунок тем же свинцовым карандашом, изображавший рим-
ского бога Приапа, мужичка с фаллообразной головой, держащего в руках корзину с фруктами
и при этом совокупляющегося обоими своими членами сразу с двумя медведицами. В лице
Приапа явственно проступали черты Артемия Ивановича, срисованные с той самой фотогра-
фии на Петергофском вокзале.

– Может ты объяснишь мне, почему он совокупляется с двумя медведицами? – подчер-
кивая слово двумя, спросил у Пенелопы поляк, вернувшись в сад и показывая ей рисунок. –
Одна медведица – это Эстер, а вторая кто? Ты?

– Да ты сошел с ума! – взвилась Пенелопа, взглянув на картинку.

– Похоже, что мой отец совершенно прав: тебя вместе с моей мачехой надо поместить
в психиатрическую лечебницу.

– Там вам будет самое место, мистер Фейберовский, – опять квакнула Какссон.

– Так вот ты какие речи завела, Пенни! – сжал кулаки поляк и швырнул в костер ском-
канную картонку. – Хочешь посадить меня в психушку, а сама завладеть этим домом?

Пенелопе оставалось сделать еще один шаг, и полный разрыв был бы неизбежен. Но ее
рассудок взял верх над эмоциями и она проговорила сквозь зубы:

– Только благодаря тому, что я изо всех сил цеплялась за этот не нужный мне совсем дом, твой Батчелор с женой не оказались на улице, а дом не был продан моим отцом с молотка или не сдан в долгосрочную аренду.

– Это правда, мистер Фейберовский, – на террасе появилась Розмари, вернувшаяся с рынка, а за ней в дверях маячил встревоженный Батчелор. – Мисс Пенелопа была очень добра и даже согласилась терпеть в доме мисс Какссон, чтобы нас не выкинули отсюда.

– Какая наглость! – возмутилась компаньонка Пенелопы. – Почему вы позволяете прислуге оскорблять порядочных женщин, пришедших к вам в гости.

– Доктор Смит, – продолжала Пенелопа, – спал и видел, как он выдает меня замуж и я переезжаю к мужу, а в «Таймс» появляется объявление. – Пенелопа скрипучим голосом, подражая интонациям доктора Смита, прочитала на память давно заученный текст:

«По распоряжению владельцев. – Жилые дома для инвестиции или временного пользования на долгие сроки с низкой арендной платой за землю и расположенные в северных и северо-западных районах Лондона.

ГОСПОДА ФАРБЕР, ПРАЙС и ФАРБЕР будут ПРОДАВАТЬ с АУКЦИОНА, в Аукционном зале, Токенхауз-ярд, В. Ц., во вторник, 29 июля, ровно в 2, следующее ИМУЩЕСТВО: – СЕНТ-ДЖОНС-ВУД. – № 9, Эбби-роуд, в хорошем состоянии. Сдается в наем еженедельному арендатору.

Подробности и условия продажи можно получить у Р. У. Басби, эскв., поверенного, Джон-стрит, 28, Бедфорд-роу; в Аукционном зале; или в конторах по аукционам и земельной собственности, Уорик-кортс, Грейсинн».

Фаберовский понимал правоту доводов Пенелопы, а найти достойных возражений не мог. Поэтому он пошел по самому легкому пути и закричал:

– Твоя мачеха и твой отец превратили этот дом в хлев! Нет, не в хлев, а в цирковой балаган с дешевыми фанерными декорациями! Они свалили прекрасную мебель, доставшуюся мне от отца, в кабинете, а кругом понаставили этих грошовых стульев! Они завесили все дурацкими картинками!

– Я не повесила в этом дурацком доме ни одной картинке! И я же не пеняю тебе за то, что потратила целых тридцать фунтов, чтобы разыскать твою мифическую индюшачью ферму, заботится о которой меня попросил перед вашим с ним бегством мистер Гурин, когда приходил просить деньги на лекарства для индюков! Я была посмешищем всему Лондону, когда наводила справки через клуб фермеров, а затем поместила в «Дейли Телеграф» объявление о розыске сведений об индюшачьей ферме мистера Фейберовского и ко мне пришел твой знакомый, инспектор Пинхорн, и взял с меня три фунта за то, что по его достоверным сведениям, ты никогда не занимался разведением индюшек, а только мелким шантажом и слежкой за неверными женами!

– Да, вы шантажист и вымогатель! – взвизгнула мисс Какссон.

– Но это же не я просил тебя заботиться о ферме! – в отчаянии крикнул поляк. – Я не могу отвечать за Гурина!

– За это тебе большая золотая медаль Йоркширской сельскохозяйственной выставки и в нос кольцо без заусениц.

Фаберовскому вдруг стало смешно и он сказал, пряча улыбку:

– Я вижу, ты за время поисков моей фермы сильно поднаторела в сельском хозяйстве.

Пенелопа сразу почувствовала, что его настроение изменилось, и страшное напряжение, в котором она находилась с того момента, как узнала его во французском художнике три дня назад, отпустило ее.

– И еще я поднаторела в отваживании твоих кредиторов, – сказала она. – Например, мистера Ааронса.

– Какого еще Ааронса?

Фаберовский не помнил никакого Ааронса, которому он был бы что-то должен.

– Стивен, в практическом отношении ты совершенное дитя! Мистер Ааронс – казначей Уайтчеплского комитета бдительности, которому вы с Батчелором обязались найти Джека Потрошителя. Если бы только знал, сколько сил и денег у нас ушло, чтобы уладить претензии мистера Ааронса! Батчелору пришлось продать агентство ради того, чтобы рассчитаться с ним.

Весь запас бешенства, раздражения и гнева у них вышел и Пенелопа с Фаберовским надолго замолчали. Только Какссон продолжала вдохновенно говорить, бичуя всевозможные грехи инородцев, топчущих древнюю британскую землю.

– Барбара, сходите на улицу и возьмите кэб, – сказала Пенелопа, желая поскорее отослать куда-нибудь свою компаньонку, чтобы остаться с поляком наедине.

– Я не могу оставить вас тут одну с этим варваром, милая Пенни, – заявила та. – Тем более что в эти места редко заезжают кэбы и мне придется слишком долго стоять на улице, чтобы нанять его.

Неужели нельзя послать прислугу?

– Я прошу вас, Барбара. Я не могу приказывать прислуге в этом доме, а мистер Фейберовский едва ли окажет нам такую любезность.

– Пенелопа права, мисс Какссон. От меня вы любезности не дождетесь. Катитесь отсюда на улицу и чем дольше вы там будете находиться, тем лучше.

– Вы наглый, невоспитанный хам! – вскричала Какссон.

– А еще я Джек Потрошитель. Батчелор, вышвырните эту даму за дверь, если она добровольно не желает покинуть эти стены.

– Но Стивен, это слишком жестоко!

– Зато правильно.

Батчелор направился к мисс Какссон, растопырив свои громадные, поросшие рыжей шерстью лапы, словно собираясь поймать курицу, и компаньонка, презрительно фыркнув, удалилась. Спустя минуту Батчелор вынес в сад два еще не сожженных венских стула и поставил их под деревом, жестом пригласив Фаберовского и девушку садиться.

Они сидели и не отрываясь глядели друг на друга. Пенелопа заметила, как постарел поляк, его лицо осунулось, приобрело землистый цвет, вокруг глаз появились глубокие морщины, а руки стали обветренными, мозолистыми и с обломанными ногтями. А Фаберовский думал, что Пенелопа за эти полтора года еще похорошела, и приобрела какую-то внутреннюю силу, которую прежде он не замечал в ней.

– А ко мне вчера прибежал взволнованный Макхуэртер, – нарушил тишину поляк. – Макхуэртеру сказали, что к нему из Франции приезжал великий Ренуар, но по ошибке попал к одному из его соседей.

– А почему ты ходишь босиком? – в свою очередь спросила девушка и в голосе ее слышалась искренняя забота. – Разве у тебя нет обуви?

– Розмари говорит, что всю ее пожгла еще в прошлом году Эстер. Хотя одни из моих ботинок я заметил на Макхуэртере.

– Но ты же приехал в каких-то ботинках!

– Они развалились после ливня, в который я попал в день приезда.

– Это еще ничего. Под тем же ливнем, катаясь с мужем в экипаже в Гайд-парке, вымокла герцогиня Файфская, и, простудившись, родила мертвого мальчика.

– Какое странное место этот Гайд-парк, – покачал головой Фаберовский. – Опасность вымокнуть в этом парке всегда грозит обернуться катастрофой для семейного счастья. На нашу удачу я не был в парке, иначе непременно родил бы какого-нибудь мальчика или, того пуще, искупался бы в Серпентайне. Мальчика я не рожал, но насморк тоже подхватил.

Еще секунду назад ему хотелось встать, подойти к Пенелопе и крепко обнять ее, что было бы очень уместно к этому моменту, но теперь при воспоминании о Серпентайне

совсем некстати к нему в голову непрошеным гостем явилась мысль о телеграмме, которая лежала в кармане его штанов. Неужели Гурин действительно решил приехать в Лондон? Это будет катастрофа. Уже вставая со стула, он сунул руку в карман, разорвал конверт и достал телеграфный бланк.

– Что? – встревожено спросила Пенелопа, увидев, как изменилось его лицо. – Гурин?

– Нет.

– Тогда ты опять собираешься на континент?

– Нет. Я думал, что навсегда избавился от старых неприятностей, а они лишь заснули на время и опять пришли ко мне.

Он протянул ей телеграмму и она прочитала:

«Советую вам исчезнуть так же, как исчез Ландезен, иначе будет плохо. Рачковский»

– Ты мне ничего не объяснишь? – спросила Пенелопа.

– Нет.

– Но что мы тогда будем делать?

– Я хочу тебе еще раз предложить свою руку.

– Я согласна, – сказала Пенелопа и пригрозила поляку пальчиком: – Но только попробуй еще раз не прийти в церковь!

Глава 6

Петергофский праздник

3 августа, воскресенье

Жизнь у Артемия Ивановича была не в пример спокойнее, чем у Фаберовского. Расставшись с поляком на Балтийском вокзале, он пробродил целый день по Петербургу, дошел до Невы и даже плюнул в нее, стоя у часовни на Николаевском мосту. Хотя Черевин велел им и носа не показывать в Петергофе, Владимиров с каждым часом все больше и больше тянуло обратно. После встречи с царем его жизнь обрела новый смысл, а вкус коньяка из крышки от царской фляжки до сих пор держался у него во рту. Но Артемий Иванович знал, чувствовал всеми фибрами своей верноподданнической души, что они с Государем недоговорили тогда, что он, Артемий Иванович, не успел рассказать обожаемому монарху, как он любит его, как он готов положить за царя на алтарь Отечества живот свой и все имущество свое, которое состояло из одной сорочки без пуговицы как раз напротив жертвуемого живота, потрепанного пиджака, висевших на коленях пузырями брюк и порыжевшего от дождей котелка. Артемию Ивановичу надо было бы еще раз встретиться с императором, пасть восхищенно на колени и растолковать ему получше, какое именно местечко мог бы Государь ему устроить и какую пользу бы смог Артемий Иванович приносить Государю на этом местечке. Но чтобы встретиться с императором, надо было вернуться в Петергоф, что Артемий Иванович, не задумываясь, и сделал.

В Петергофе его постигло страшное разочарование. Император вместе с семейством, так и не дождавшись разговора, отбыл на отдых в финские шхеры. Посетив последовательно колбасную, «Вену» и монопольку, Артемий Иванович вышел с опустошенной душой и карманами на Петербургский проспект и потащился по нему куда глаза глядят. А глаза его глядели в сторону Ораниенбаума, не доходя до которого на берегу залива, можно было попытаться пристроиться в одной из дач близ деревни Бобыльская, где надзор за дачниками был слабее и где от владельцев дач не требовалось подавать на них никаких сведений в Дворцовое управление.

Дачи эти находились у западной границы громадного парка, владения принца Ольденбургского, протянувшегося узкой полосой вдоль взморья. Дом, на который вывел Артемия Ивановича запах жарящегося мяса, принадлежал надворному советнику Стельмаху и представлял собою подобие швейцарского домика-шалы, по стенам которого вились гортензии, а перед домом была разбита огромная клумба, по которой Артемий Иванович сразу же и прошелся.

– Не смей ходить сюда! – заорал на него сам хозяин, который в это время с женой и двумя перезрелыми дочерьми пил чай на веранде. – Здесь не подают.

– Я из охранного отделения, – сказал, не смущаясь, Артемий Иванович. – Мне показалось, что вы говорили что-то про государя.

– Нет-нет, мы говорили о государине, – нервно сказал Стельмах.

– В этом году на ее тезоименитство в Петергофе будет большой праздник.

При этом надворный советник слащаво улыбнулся.

– Вам самому-то не противно нести такую чушь? – спросил Владимиров, переминаясь на когда-то великолепных хризантемах.

– Что вы там такое жарите?

– Не знаю, – неизвестно зачем соврал Стельмах. – Надо спросить у кухарки.

– Тогда проводите меня к ней. Да, и еще. Меня прислали к вам для охраны особы государя от крамолы. Поэтому я буду жить у вас в дровяном сарае.

Стельмах покорно согласился и провел Артемия Ивановича на кухню, где оставил его наедине с кухаркой. Осмотр сей особы вполне удовлетворил Владимирову. Это была цветущая румяная девка по имени Февронья с толстой, пшеничного цвета косой, с которой ему не стыдно будет в случае чего выйти на люди.

Не решившись требовать со Стельмаха еще и пищевого довольствия, Артемий Иванович для столования при его кухне отбил кухарку у ее прежнего ухажера, пожарного из ораниенбаумской брандкоманды, который в отместку за это с тех пор регулярно делал отбивную из Артемия Ивановича. Пожарник был силен как бык и часто чистил своей надраенной медной каской лицо Артемия Ивановича, но Владимиров не сдавался, иначе он просто умер бы с голода. Его основным преимуществом было галантерейное обращение, от которого девка млела и таяла, отбирая Артемию Ивановичу самые вкусные куски из того, что она могла утаить от барского стола.

В качестве орудия главного калибра в битве за расположение Февроньи Артемий Иванович использовал щедрые обещания сводить ее в ресторан «Бель-Вю» у Купеческой пристани, на Петергофский праздник и свозить в город на какое-нибудь представление. Свои обещания он стал выполнять в обратном порядке, посетив с нею на Царицыном лугу за рупь представление «Дикая Америка», афишку которой «Дикие индейцы, отважные американские пастухи, дикие лошади, дикие быки. Замечательный стрелок В. Карвер» он видел на тумбе в Новом Петергофе, когда заходил в гости к швейцару в гимназии.

Сидя задом прямо в лужах, стоявших после проливного дождя на клеенчатых сиденьях стульев и кресел, они оба с увлечением следили за верховой ездой обряженных в лохмотья людей верхом на крашенных лошадях, которые целый час беспощадно стреляли из ружей и револьверов, изображая то мексиканцев, окруженных индейцами, то индейцев, нападающих на мчащийся вокруг ипподрома дилижанс. Февронья ахала, когда подбрасываемые в воздух стеклянные шары разлетались от пули, выпущенной из винчестера господином Карвером, и верещала от восторженного испуга, когда «дикие воны» доверчиво пытались просунуть морды сквозь ограждение к ним в дешевые места.

Теперь настала очередь Петергофского праздника. Его начало было намечено на шесть часов вечера, поэтому всю первую половину дня Артемий Иванович мог проводить как угодно, не рискуя потерять благоволения кухарки. В одной из газет, которые он ежевечерне находил в нужнике в треугольном ковровом кармашке для подтирки и которые изучал от корки до корки, не покидая отхожего места, Артемий Иванович вычитал, что утром большого выхода императора и императрицы не будет. Прежде он рассчитывал, что сможет использовать возможность увидеть императора во время большого выхода для серьезного разговора с ним, но сейчас, в свете открывшихся обстоятельств, решил для себя, что караулить царя около Большого дворца бесполезно. Повинуясь безотчетному порыву, он двинулся от дворца по Александрийскому шоссе вдоль Нижнего сада по направлению к Александрии.

За несколько дней до дня тезоименитства государыни императрицы Петергофский парк был приготовлен к вечерней иллюминации. Несмотря на дурную погоду, Новый Петергоф принял праздничный вид. Всюду мелькали флаги, щиты, ковры и транспаранты. Рано утром прошел сильный дождь, потом он прекратился, а в десять часов возобновился опять. У Большого дворца стояла, невзирая на ливень, толпа народа, жаждавшая увидеть их императорских величеств. Артемий Иванович снисходительно посмотрел на них и прошел мимо, шлепая калошами по рябившим от капель лужам. У готических домов он увидел собрание хорошо одетых людей с кожаными папками под мышками и с раскрытыми зонтиками, перед которыми держал речь сам Черевин.

— Когда мы подойдем к Фермерскому дворцу и я проведу вас внутрь собственного садика Их Величеств, вы все должны будете встать не ближе двадцати саженей от террасы. Никаких разговоров не допускается. Никто из вас не должен самостоятельно произносить поздравления

государыне императрице. Вы встанете и молча будете ждать, пока их величества не соизволят выйти к вам сами. И не смей выходить из строя! По знаку профессора Черни вы начнете петь ваши куплеты. По окончании пения профессору Черни будет дозволено преподнести ее величеству букет. Если императрица милостиво согласится выслушать еще несколько ваших куплетов, вы можете исполнить их, но не более чем десять минут.

Пожилый мужчина с огромным букетом живых цветов, увитым лентой с надписью «От общества хорового пения «Liedertafel», согласно кивнул.

– И чтоб ничего лишнего. Вот эти два человека будут находиться среди членов общества...

– Но они же не умеют петь! – воскликнул профессор Черни.

– Как? Они не будут сопеть! Они будут охранять императора, – отрезал Черевин, не слышав. – Они это умеют.

– Я тоже умею охранять императора! – воскликнул Артемий Иванович.

При виде его глаза начальника царской охраны округлились, а усы зашевелились от изумления.

«Хитер, шельма! – подумал Черевин. – Его Федосеев по всей империи ищет, уже попугай его только и скрипит: «Где Владимиррров? Где Владимиррров?», а он вон где! В Петергофе!»

Черевин поднял глаза и увидел в окне своей канцелярии узкую спину Федосеева, который наливал из лейки воду попугаю.

– Я за государя хоть в огонь, хоть в воду! – продолжал Артемий Иванович, истово крестясь. – Любой грех на душу приму! Хоть наследника, хоть...

– Молчать! – закричал на него Черевин, холодея от страха, и даже его грациный нос पुще покраснел, словно на морозе. – Смирно! Встать в строй!

Артемий Иванович послушно сделал поворот кругом и приложил правую руку к полям котелка. Поняв, что в сложившейся ситуации безопаснее всего взять Владимирова с собой, Черевин построил хористов в колонну по двое и повел их по аллее мимо Готической капеллы к Фермерскому дворцу, окрашенная в соломенный цвет крыша которого просвечивала за деревьями. Дождь прекратил лить, и хотя профессор беспокоился, что сырость не позволит исполнить намеченную программу должным образом, было решено мероприятие не отменять.

По приказу начальника царской охраны оба его агента, косясь на Артемия Ивановича, провели хористов в довольно обширный садик с востока от дворца, замкнутый с трех сторон перголой из двух рядов четырехгранных колонн из бременского песчаника. Колонны заплетал плющ, витис и камчатская шизофрагма, которые лезли из терракотовых ваз, венчавших колонны, и извивались по деревянной обрешетке.

Ближе к оштукатуренной кирпичной стенке, замыкавшей садик с востока, пространство заполняли пышные цветники и пальмы в кадках, над которыми возвышалась скульптура томно потягивавшейся обнаженной «Ночи». Где-то у ног «Ночи» журчал фонтан, но за высокими листьями растений его не было видно. Покрытая дождевыми каплями темная бронзовая кожа «Ночи» заставила Артемия Ивановича передернуть плечами от холода и он поспешно отвернулся от нее, не в силах выносить вида этой пусть и металлической, бездушной, но все-таки совершенно голой девушки в такую дурную дождливую погоду.

– Господин профессор! Построить песенников в две шеренги! – приказал Черевин. – Что бе-бе, ме-ме? Я сказал: в две шеренги! Как? Раком! Вот от сих и до сих. Ты, – Черевин ткнул пальцем в Артемия Ивановича, – на правый фланг в третью шеренгу. И чтоб я тебя не видел!

Профессор поставил своих хористов лицом ко дворцу и велел раскрыть папки. Черевин подскочил к одному из хористов и вырвал у него из рук папку.

– Будете смотреть к соседу! – отрезал он и подошел к Артемию Ивановичу. – Грибы! – заорал он. – Откуда у вас грибы?!

– У входа росли-с! – испугался Артемий Иванович, не понимая, почему обычные грибы привели в такое возбуждение начальника царской охраны. – Гриб-боровик, отличный. Без червяков-с! – Артемий Иванович разломал гриб и сунул его прямо в нос Черевину.

Черевин выбил гриб из рук Артемия Ивановича и тот разлетелся мелкими шмोटьями.

– Держите папку! Хоть руки будут заняты.

Артемий Иванович последовал его указанию и обнаружил у себя в папке разграфленные листы, испещренные мелкими загогульками нот. Владимиров ничего не смыслил в нотах, и на фортепьяно «Собачий вальс» и «Чижика-пыжика» предпочитал играть без нот, поэтому он просто перевернул листы обратной стороной вверх, чтобы они не путали его. Гораздо хуже нот для него было то, что из-за спин рослых хористов, позади которых Черевин специально его поставил, Артемию Ивановичу совсем ничего не было видно.

– Смирррно! – рявкнул на хористов Черевин. – Император идет! Животы подобрать! Стыдно, господа хористы, какие мамоны отравили!

Смирные хористы втянули животы и замерли.

– Пожирать глазами Их Величества!

– У, дубины вымахали! – громко сказал Артемий Иванович и подпрыгнул.

В тот краткий миг, когда он взлетел над головами хористов, он успел заметить, как стеклянная дверь на террасу раскрылась и появилась громоздкая фигура Александра III: в красном супервесте поверх сверкающей медной кирасы, в белом кавалергардском колете и с огромной медной каской с Андреевской звездой на лбу и двуглавым орлом на макушке. Каску император держал в руке за чешуйчатый подбородный ремень, словно котелок. Широкую грудь царя пересекала голубая Андреевская лента.

Еще один прыжок позволил Артемию Ивановичу рассмотреть и императрицу – маленькую черноволосую женщину в белом платье. Он хотел подпрыгнуть еще раз, но тут он увидел багровое от ярости лицо Черевина, делавшему ему страшные глаза, и решил воздержаться от прыжков. Он не увидел, как следом за императорской четой вышли царские дети – красивая пятнадцатилетняя девушка с сестрой, еще совсем ребенком, и младший сын царя Михаил. Последним появился сам наследник престола, цесаревич Николай: усатый, коротко стриженный, с зачесанными назад волосами низкорослый юноша в белой лейб-гусарской венгерке, с закинутым на спину, на опаш, доломаном и с меховой бобровой шапкой подмышкой.

По знаку Черевина профессор Черни сунул в рот нечто вроде охотничьего манка и издал ноту «ля». Хористы прекратили откашливаться и послушно прогудели эту же ноту. Артемий Иванович захотел присоединиться к ним, но, к счастью, оказалось, что от волнения у него пересохло в горле и он лишь издал сдавленный хрип. В другое время ему бы тотчас позвали врача, но сейчас всем было не до него и Артемий Иванович решил самостоятельно избавиться от сухости в горле. Он встал на четвереньки и по мокрой траве пополз к фонтану между цветником и пальмой в кадке, думая про себя: «Только бы не задеть пальму». Он уже почти прополз ее, когда зацепился штаниной правой ноги за плохо вбитый гвоздь, торчавший из кадки, и пальма упала. Штанина затрещала. Артемий Иванович так перепугался, что сразу почувствовал, что ему хочется не только пить, но и совершить противоположное действие, которым часто заканчиваются приступы страха.

Когда все семь пьес, входивших в серенаду, были исполнены и воцарилась предшествовавшая аплодисментам тишина, стало слышно громкое и необычное журчание, не похожее ни на звуки лившейся с крыши воды, ни на мелодичные звуки фонтанных струй.

Императрица выразила свое восхищение пением и милостиво похлопала в ладоши.

– Что-то фонтан как-то странно журчит, – сказал царь.

– Может, там течет из какой-нибудь другой трубочки? – предположил наследник и под напмаженными на концах усами по его полному лицу расползлась довольная улыбка.

Шутку цесаревича никто не поддержал, а Черевин, бросая через плечо опасливые взгляды, поспешно пояснил:

– Это вода из-за дождей в водоводе поднялась, потому и напор сильнее.

Он подал знак профессору Черни и тот понес императрице букет. Все тотчас забыли про таинственное журчание и только Черевин продолжал метать в сторону фонтана яростные взгляды. К счастью, журчание затихло, а императрица, милостиво приняв букет, благосклонно пожелала выслушать еще несколько вокальных пьес.

– Да-да, спойте еще что-нибудь, – поддакнул Николай своей матери и тут же умолк под суровым взглядом родителя. Император дал отмашку замшевой кавалергардской перчаткой и хор вновь затянул песню. Воспользовавшись этим, Артемий Иванович выполз из цветника и быстро, на карачках, добрался до своего места в хоре.

За те десять минут, что он провел в цветнике, ничего не изменилось – из-за спин хористов ему все так же ничего не было видно. А Владимирову непременно надо было перекинуться парой словечек с обожаемым монархом. Артемий Иванович подпрыгнул. Оказалось, что теперь это стало намного легче сделать, он неожиданно для себя взлетел на целую голову выше самого высокого хориста и, зависнув на мгновение в воздухе, встретился с недоумевающим взглядом ясно-голубых глаз наследника. Цесаревич дернул отца за рукав.

– Чего надо?! – отвлекаясь от пения, спросил царь.

– Там хорист подпрыгнул.

Александр наклонился к сыну и сказал ему на ухо покровительственно:

– Признайся мне, Ники, вчера с Бярытинским вы совсем не о предстоящем тебе путешествии разговаривали. Уж я-то знаю, сколько надо выпить, чтобы даже на утро хористы в глазах прыгать продолжали. Только ты мне эти лагерные привычки тут брось! Завтра уедешь с маминых глаз в Красное Село, там хоть свинячьими корытами шампанское лакай.

И тут он своими собственными глазами увидел, как над хором взлетел один из хористов и призывно махнул ему рукой. Александр перекрестился и перевел недоуменный взгляд на жену. Вчера он спиртного даже в рот не брал, он ездил на яхте «Александрия» с семейством из Петергофа на молебен в Петропавловскую крепость! Однако, императрица тоже имела очень удивленный вид, и царь сразу же успокоился.

Взглядом опытного царедворца и охранника Черевин отметил странное поведение царского семейства, и когда краем глаза уловил движения, которые производил Артемий Иванович, прыгая позади хора и размахивая руками, все у него внутри опустилось.

А Артемий Иванович все прыгал и прыгал, вне себя от мысли, что царь уйдет, так и не поговорив с ним. Хористы замолкли и, выразив свою монаршую благодарность членам общества, царь с царицей собрались удалиться с веранды во внутренние покои. Тогда Владимиров решился. Он уже открыл рот, чтобы выкрикнуть: «Ваше величество! Обождите! Мне нужно вам кое-что сказать!», когда оба агента по знаку Черевина навалились на него и заткнули ему рот пучком травы, выдранный из газона.

– Откуда-то я помню лицо этого хориста, – задумчиво произнес император, поворачиваясь спиной к садику и стоявшему посреди хору.

– У тебя, папа, всегда была хорошая память на лица, – сказал Николай, открывая стеклянную дверь. – А я вот лиц вообще запоминать не умею.

– Первое правило для царя – запоминать лица, – император отвел руку, словно собираясь дать наследнику затрещину, и тот сразу сжался, став еще меньше ростом. Однако Александр только подтолкнул его к двери и Николай, распрямляясь, пообещал:

– Я запомню лицо это хориста, папа.

А в это время за спинами хористов два агента Черевина мутили Артемия Ивановича и возили рожей по траве, отчего рожа его приобрела странный зеленый цвет, так что наследник едва ли смог бы узнать Владимирову даже несмотря на данное императору обещание.

Черевин прервал избиение. Велев хористам убираться к чертовой матери вместе со своим... профессором, он поднял Артемия Ивановича с земли и, взяв за грудки, взглянул прямо в глаза.

– Приезжайте, ваше высокоблагородие, к нам в Париж, – отплеываясь от травы и забившей рот земли, сказал Артемий Иванович. – Вместе со своими людьми. Или в Лондон, на Эббироуд.

– Вон! – заорал Черевин так громко, что в окне дворца показалось бледное лицо среднего сына императора, Георгия, которого с утра лихорадило и он не рискнул выйти вместе со всеми на воздух.

* * *

Приняв вместе с букетами цветов поздравления от командира и офицеров кавалергардского и лейб-гвардии кирасирского полков, отстояв почти час в церкви Большого Петергофского дворца, где придворное духовенство во главе с протопресвитером Янышевым при пении придворной певческой капеллы совершило божественную литургию и молебствие с провозглашением многолетия, и позавтракав в Петровском зале под звуки придворной музыки, императрица с мужем и своим семейством вернулась в Александрию и отправилась отдыхать, а император с цесаревичем Николаем, переодевшись, вышли на террасу подышать свежим после очередного дождя воздухом.

Александр хотел поговорить с сыном о его поведении, шокировавшем не только императрицу, но даже присутствовавших на завтраке министра императорского двора с супругой и министра внутренних дел. Наличие на завтраке большого количества кавалергардских и кирасирских офицеров, сидевших за столом напротив, заставило цесаревича забытья, и он налегал на водку так основательно, словно присутствовал на полковом празднике. Но терраса вызвала у императора воспоминание о прыгавшем поутру хористе и сразу изменила ход мыслей. Ему вдруг стало смешно, что он заподозрил Ники в том, что тот мог упиться с князем Барятинским до прыгающих певцов!

– Так о чем же вы с Барятинским на самом деле говорили? – спросил он у сына, вместо того, чтобы пожурить его за чрезмерное увлечение водкой за завтраком.

– Он рассказал, что программа моей поездки разработана учеными из Географического общества. О большом историческом и политическом значении, которое будет иметь мое путешествие на Восток. А еще он рассказал, что Эдди тоже ездил в конце прошлого года на восток в Индию, и вернулся домой в мае, отдохнувший и набравшийся знаний и жизненного опыта.

Принц Эдди, как фамильярно называли в правящих домах Европы принца Альберта Виктора, наследника английского престола и старшего сына принца Уэльского, пользовался, как и его папаша, довольно дурной славой. Александр хмыкнул и вывел сына в садик, чтобы их не могла услышать императрица: по мокрой траве в обход цветника, окружавшего бассейн с фонтаном, над которым потягивалась статуя Ночи, к каменным скамейкам, прятавшимся за буйной зеленью у восточной стенки. Но дождевые лужицы все еще блестели на поверхности камня, поэтому Александр сел на край роскошной мраморной ванны, в которую плевались водой две львиные головы по ее сторонам, торчавшие на столбах перголы.

– Да, про его жизненный опыт мы слышали, – сказал император.

– Его и отправила-то бабка Виктория из Англии подальше, после того как его в борделе с мальчиками застукали.

– А вот и нет, папа! – решил возразить Николай. – Он не такой, он не как дядя Сергей.

Подобных разговоров о своем брате Александр не терпел, поэтому сразу же грубо оборвал сына:

– Заткнись. Слушай, что тебе отец говорит.

– Он уехал, потому что сделал предложение Аликс Гессенской. Но был отказан. Она написала ему, что решение отвергнуть его причиняет ей сильную боль, однако она не может выйти за него замуж, потому что хотя она находит его приятным как кузена, но они не смогут быть счастливы вместе.

Николай был юношей влюбчивым, и влюблялся во всех девушек, с которыми ему удалось познакомиться чуть поближе. К принцессе Алисе он тоже чувствовал влечение, когда вспоминал ее, и тогда его охватывало желание непременно жениться на ней. Впервые Николай встретился с гессенской принцессой Алисой шесть лет назад. Она, в то время двенадцатилетняя девочка, приехала из Дармштадта на свадьбу своей сестры Элизабет с братом царя, великим князем Сергеем Александровичем. Николай обратил на нее внимание во время венчания в Георгиевской церкви в Зимнем дворце. Принцесса показалась ему очень красивой в своем белом муслиновом платье, с розами в длинных, до пояса, золотистых волосах. Через несколько дней на детской половине шестнадцатилетний Николай, страшно смущаясь, сунул юной принцессе в ладошку маленькую брошку, которую та через некоторое время застенчиво возвратила. С тех пор образ принцессы неотвязно преследовал Николая, и, когда она весной прошлого года опять приехала к сестре в Петербург, он стал частым посетителем дворца Белосельских-Белозерских, где жила Елизавета со своим мужем. Молодые люди ходили кататься на коньках, а вечерами он сопровождал ее на концерты и балы.

– Тебе бы, Ники, тоже следовало жениться, – Александр забарабанил пальцами по чугунной балюстраде, глядя на восторженно-глупое лицо сына с покрытыми светлым пушком щеками. – По крайней мере, не сопьешься. А то за завтраком ты слишком на водочку налегал. Даже мать заметила.

– Именно об этом я и мечтаю, папа!

– Вот как? Женилка, стало быть, зачесалась? И кого же ты себе присмотрел на этот раз?

Среди прочих влюбленностей прошлого года числилась у Николая и Маргарита, сестра германского императора Вильгельма, девушка некрасивая и неумная, но познакомившись с которой, наследник русского престола тотчас объявил о своей неземной любви к ней и намерении жениться, что едва не привело к большому скандалу и охлаждению в отношениях между Францией и Россией. К счастью для цесаревича, Вильгельм не дал согласия на эту свадьбу.

– Может быть, опять на Маргарите? Тогда я тебе быстренько шею сверну, – царь ласково положил свою большую руку сыну на голову.

Николай всегда робел, когда ему приходилось серьезно разговаривать с отцом, и хотя он очень любил отца, это был единственный человек, которого он по-настоящему, безумно, боялся. словно ища поддержки, Николай оглянулся и скользнул взглядом по обнаженной спине и подтянутым ягодицам бронзовой «Ночи», все также целомудренно потягивавшейся в беспечной истоме, как и утром, когда Артемий Иванович пел в хоре перед императрицей. С трудом ему удалось преодолеть страх и он сказал тихим голосом, нервно потеряв ус тыльной стороной ладони – жестом, укоренившимся во время пьянок на полковых праздниках:

– Я хочу жениться на Аликс Гессенской.

– Но Ники, мальчик мой, она же холодная, как селедка! – воскликнул Александр, не убирая руки с его головы. – Я видел ее прошлой весной у Сергея. Просто устрица какая-то, хоть шабли ее запивай!

– Нет, папа, это неправда! – с горячностью воскликнул Николай, строптиво дернув головой в надежде сбросить тяжелую руку отца.

– Я знаю ее лучше чем ты! Да, она кажется серьезной и застенчивой, но в груди ее прячется страстное сердце! Самой живой струной моей души, той мечтой и надеждой, которыми я живу изо дня в день, является жениться на Аликс. Я давно люблю ее, папа, но еще глубже и сильнее после тех шести недель, что она провела в Петербурге в прошлом году.

– Чушь!

– Я долго противился моему чувству, но теперь Эдди отставлен и между нами нет больше никаких препятствий. Папа, я уверен, что наши чувства взаимны! – Николай уставился на отца голубыми глазами, потом, опомнившись, опустил их, но было уже поздно.

– Черт побери, Ники, да ты просто олух Царя Небесного! – рассердился царь и встал. – Да все Гессенское княжество поместится у меня на ладони! – Александр выразительно хлопнул кулаком по раскрытой руке. – Русские наследники на улицах не валяются. Мало того, что в герцогстве Гессенском у России нет теперь даже посла, она же совершенно ненормальна! Она упертая лютеранка, она никогда не согласится перейти в православие. Ты не сможешь взять ее в жены, потому что ты не какой-нибудь купчишка, ты будешь когда-нибудь русским императором, чтоб тебе пусто было, а русская императрица не может быть лютеранкой! Мальчишка! Ты должен думать не только о... – Царь запнулся на полуслове и кашлянул в свой большой кулак. – Но и о благе державы.

– Аликс написала мне, что приедет к Сергею и Элле в Ильинское этой осенью, – пролепетал Николай.

– И ты хочешь к ней съездить? Не думаю, что это будет хорошая идея, – Александр покачал головой и взглянул на небо, откуда опять стал накрапывать дождь, изредка срывааемый порывами западного ветра. Потом тяжелым шагом пошел к дверям из столовой. – Полагаю, морское путешествие пойдет тебе на пользу и выбьет эту дурь у тебя из головы.

Император окинул взглядом низкорослую и шуплую фигуру сына. Видок у того был совсем не царский. Если его посадить верхом, то еще ничего, но без коня и смотреть стыдно.

– Не забывай, что ты – будущий царь, – с брезгливым отвращением сказал он, – и твой брак – не твое личное дело, но дело всей державы. А об Алисе и не мечтай.

– Да, папа, – промямлил Николай.

Александр молча кивнул и цесаревич быстро покинул террасу. За шпалерами кустов царь заметил прогуливавшегося Черевина и подозвал его к себе.

– Во сколько, ваше величество, вы намечаете выезд в Нижний сад? – спросил, робея и моля Бога, чтобы император не вспомнил об утреннем казусе с Владимировым, начальник царской охраны.

– После обеда, часов в девять вечера, чтобы посмотреть иллюминацию, откусать чаю в Монплезире и вернуться до начала фейерверка обратно сюда, – ответил царь. – Ты знаешь, что Ники сегодня учудил? Сказал, что хочет жениться на Алиске Гессенской! Оболтус. У тебя есть чего-нибудь выпить, Черевин? Тогда пошли вон туда, за фонтан, спрячемся. Там нас не увидят. А то взгреет меня императрица в честь своих именин!

Они скрылись за буйными зарослями цветов, сев на корточки, и Черевин достал из-за своего голенища фляжку.

– Что мне в тебе нравится, Черевин, так это манера говорить все прямо, начистоту. Скажи мне, что ты думаешь о перспективах Ники как жениха. Какую невесту ему подобрать?

– Не знаю, ваше величество. Как вы знаете, я был свидетелем на свадьбе вашего покойного батюшки с княгиней Юрьевской. Если женить наследника насильно, он может повторить путь своего деда.

Александр потемнел лицом.

– А что говорят об этом люди?

– В Петербурге ходят слухи, что обучать цесаревича искусству любви поручено Марии Лабунской.

– Это одна из тех, что крутятся вокруг Ники на катках и прочих увеселениях?

– Еще та штучка, ваше величество. Как танцовщица весьма посредственна, но зато очень любит наряды и украшения.

– Наследник действительно водит с ней шашни? Может, стоит ее выслать из столицы?

– Сколько мне известно, Лабунская не ближе к цесаревичу, чем все другие девушки. Мне донесли, что с тех пор, как две недели назад открыл сезон Красносельский театр, наследник посещает почти все представления, где танцует Кшесинская-Вторая, и ходит к ней с цветами за кулисы.

– У нее рожица-то будет посимпатичнее, чем у гессенской селедки, – заявил Александр. – Правда, ножки короткие, зато глаза большие. Если Ники скоро не оженить, он превратится в обычного б, как его дядя. И дал же мне Бог такого сукина сына!

Грубые слова царя напомнили Черевину о замышляемом им заговоре и еще больше утвердили его в решимости довести дело до конца. Но одновременно откуда-то к нему пришла мысль, что он уже стар и болен, чтобы влезать в подобные авантюры с вместе с такими людьми, как Владимиров, что ему следовало бы спокойно дожить остаток дней и не заниматься глупостями. А до смерти осталось ему не так уж и много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.